

Мишель Верса

ИНТЕЛЛА

18+

Мишель Верса

Интелла

«Автор»

2026

Верса М.

Интелла / М. Верса — «Автор», 2026

Явившись на выпускной экзамен, Арт сталкивается с моральным выбором: блестящее будущее в обмен на пренебрежение нравственными установками. Последствия выбора вводят его в загадочную игру за пределами Млечного Пути с участием искусственных интеллектов, незримого оружия, Сфинкса, темной материи и девушки, с которой не хочется расставаться.

© Верса М., 2026

© Автор, 2026

Мишель Верса Интелла

*«Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда,
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада...»
(Николай Гумилев)*

Часть 1. Материальный подход, или Высокие материи

Глава 1. Приятный сюрприз

Три минуты! Показательное выходит опоздание. Потянет на фишку года, а при особо эвристическом подходе (если вдруг шнурки, которых нет, возьмут и распояшутся) – на мега-финиш с завалом всего, что только можно завалить на выходе из программы.

Сотни секунд до итоговой симуляции – цифры скорее символические... и пророческие: пора сворачивать к чертям репутацию везунчика, невыносимого стипендиата, гордости факультета. Готовиться, нешто, к распределению из цикла «для особо репрессированных»? Выбор невелик: сошлют охранником вечной мерзлоты за пояс Койпера либо пастухом сговорчивого стада бродячих метеоритов, и это великое благо, ибо он станет главой делегации проморгавших обучение честными, неизмученными интеллектом глазами... Только не его!

Арт взлетел по крутому пролету, не почуяв ни ступеней, нескончаемых как клавиши рояля, ни перил, стальной холодностью выразивших что-то вроде: «Вам, юноша, дерзнуло припоздать? В такой-то праздник?! Вы офонарели, само собой?». Само собой, не сейчас разводить полемику с поручкавшимся хромированным железом...

Аэролит проснулся, лениво моргнул и собрался распахнуть пасть, но не соизволил принять взмокшего курсанта в свои ограниченные покои по причине откровенного непокоя, ажитации, зашкаливающего пульса, выпученных глаз и нитевидного дыхания. Именно такие характеристики мерзким дискантом выдавал аэрогриль (у Арта насилу хватило такта не обнародовать аналогию), собираясь обрушить напрашивающийся вопрос: не собирается ли он, Артур Леннер, кадет на выпуске, кого-нибудь примерно покарать смертоубийством в великий день итогового экзамена, судя по рефлексам? Арт в самом деле имел все основания спустить это транспортное паскудство в сердце преисподней, но... не было времени.

Секунды – и перед строго моргавшим подъемником стоит уже приличного, подтянутого и симпатичного вида молодой человек в благородном индиго – форме отъявленного кадета, выпускник на грани. Буде пластиковая держиморда изволит пропустить его наверх, к опытной комиссии и блестящему будущему офицера военно-воздушных сил ассоциации «Дельта плюс». Изволила (твою же маковку!), за что враз превратилась из тупой аэробной одноклеточной в порхающую фею и получила пятизвездочный отзыв клиента, что для таких вот снующих туда-сюда антресолей – самая что ни на есть награда, пригодится для безбедной пенсии в копиях Плутона. Так он пудрил ей нескладные мозги, наскоро припаянные скорбным недоучкой (наверняка завалившим тест Профи), пока она возносила торопыгу не просто к триста двенадцатому эшелону, а на спасительных турбо-крылах влекла в корпус для особо одаренных, на радость или какое горе, шестикурсников. Отчего горе? Оттого, что вместо защиты заунывной дипломной чепухи им светит... пока что – поспешать быстрее ветра...

Полторы минуты! Выход на свободу из душных антресолевых объятий, небрежное обещание вернуться к фее и все простить, оброненное в духе печоринского пофигизма. Еще один потрясный нейро-диалог со сканером по шальной схеме идентификации: «Я – это я, а ты – это не я; но мог бы быть, как я, если бы не я...». Что характерно, сканер не завис от логиче-

ского хамства, а мог бы и завернуть наглеца, в честь экзамена... Наоборот, просипел именное приветствие и приглашение на выходную профессиональную оргию, где студент обязан, не стесняясь, показать все, на что способен. «Я вам покажу Кузькину мать!» — совершенно не к месту и не ко времени дерзнуло мышление, вступив в ответную игру. Сознание опережало, прокручивая возмездие не только неопознанным зложелателям, но и вполне невинным первым встречным. Как там у поэта, «он вышел черный, вышел страшный» ...

«Арт, где ты есть? Ты с ума сошел?!» — ухо уловило неистовство Рейна, друга по жизни и научной мысли. Значит, он уже в ментальном доступе.

Одна минута! Он – в длинном (как макароны из прошлого) округлом коридоре с едва тлеющей синюшной подсветкой, зловещей под стать событию. В таком свете позволительно разглядеть лишь намеки на биометрию сокурсников, ожидающих в явном нервном дискомфорте. Меньше минуты до старта. Отлично, будем идентифицировать их по силуэтам и психотипам. Хотя вряд ли параметры сии дадут понять, кто настолько благоволит к нему, что благополучно замуровал его в кубрике, обрубив связь, обесточив все выходы, кроме окна, транслирующего спортивный корт с высоты птичьего полета в пятнадцать скромных этажей. Пришлось, однако, спускаться с обжитого места с легкостью сорванца, спасшего кипарис от кота-эквилибриста, не рассчитавшего амбиций; а с третьего яруса удалось уже сигануть на кстади вспухший батут. Не хватало накануне экзамена мышцу потянуть или голову подвернуть... Сукно в его индиго неубиваемое – вот это он может доказать с любого ракурса.

Произведя самый независимый и отрешенный от мирских перипетий вид, он проследовал вдоль тусклых ориентирующих линий поступью студента, боготворившего тестовые авантюры, метившего всего лишь в кресло командора. Ни одна живая душа (а искусственная – тем паче) не догонит, что внутренность его изволит мстить и мятежно просит бури, хотя... это слишком громко, а быть может, слишком мелко для сего почти свершившегося, дай-то бог, звездного ранга.

Когнитивный оптаивный транслятор (в простонародье КОТ) он еще до входа в гостеприимную сию темницу ограничил поверхностным восприятием своих мироощущений, для чего легонько прошелся большим пальцем по поверхности бронзового лимба [1. лимб – кольцо.]. Сенсорный регулятор слушается великолепно. Желающие прощупать именно его реакции – добро пожаловать в мир ментальных иллюзий! Нахально распевая про себя классическую вещь о трех аккордах (это если на клавишах, а на струнах можно обойтись и двумя), звучавшую примерно так: «Кому это надо – никому не надо, кому это нужно – никому не нужно» – и еще восемнадцать итераций в темпе разбитного частушечного фолка – он продвигался в поисках самоопределения, то есть посадочного места, и тайного «доброжелателя». Предтестовая эйфория – именно это он и транслирует, подпевайте пентатоникой...

«Арт, да что с тобой?» — в неистовые арии ворвался встревоженный по всем статьям голос Рейна. Собрата в полутьме не наблюдалось; стало быть, затушеввался в отсеке, напомним беспредельный черный ход без выхода. Намекнув краем мысли, что он в полнейшем порядке, если кто не понял, Арт продолжил движение, параллельно фиксируя отклики на свое явление, в корне приподнившееся.

Кто-то из вереницы, мало отличавшейся от очереди к клиническому психотерапевту, выражал удивление либо отдавал должное его сумасшествию, осуждающе прищуриваясь. Перепадали и взбадривающие сигналы, особенно от курсанток, коих слегка расслаблял его уводящий в фантазии мужественный силуэт. Кто-то, не прибегая к речи, предлагал вечером трудного дня испытать что-нибудь в тему стресса. Кто-то просто и откровенно предлагал... Милашка с параллельного потока, сама невинность под кокетливо заломленной пилоткой и неизвестным именем (система злободневно скрывала личные данные от посторонних) ясно взглянула и под покровом темноты надумала встречу в клубе «Джи» по итогам аттестации, в 22.00. Начинаются предложения души и тела... Станет ли квалификация, что уже блазнит у порога, достойным

оправданием для снятия курсантских запретов и попраiania обетов, особенно в целомудренном заведении «Джи»? Заманчиво, спору нет, старина Рейн обзавидовался бы, но... сделаем вид, что мы эту крошку пока что банально не поняли под предлогом колоссальной перегрузки. Тем более что дитя само не ведает, что творит.

Пятнадцать секунд... Знакомые инициалы полыхнули бешеным неонем слева по стене. Артур Леннер! Успел... Он послал неопределенное, но утешительное междометие Рейну, отчетливо выдохнувшему от братского перенапряжения.

Подходя к зыбкой имитации кресла, жесткого как ботинок, которым порой мотивируют первокурсников, он едва не споткнулся. Ну десять же секунд! Народец вокруг, при полном обмундировании и приподнятом настрое вроде как не заметил замешательства ведущего в рейтингах не только по успеваемости, но и по внешним составляющим.

На соседствующем убогом креслице примостилось создание, ни разу не виданное за шесть наполненных впечатлениями лет. Правда, темнота вперемешку с сумраком, мало ли что привидится читателю контуров и психотипов. Могло и почудиться, что неизвестная девчонка, независимо вздернув нос и приспустив предлинные ресницы, нахмурилась и вроде как собралась показать что-то отрезвляющее, но в контексте окружения передумала. В груди предательски ухнуло и обвалилось, как полка с сувенирами, однозначно оглушительно и с резонансом. Мысли выветрились, оставив мозг девственным, как у новорожденного.

Мимо нее к своему креслу он прошел соответственно ощущениям, чуть не посвистывая от равнодушия. Накануне проверки на прочность и верность идеалам Империи – такое чудо по правому борту... Вызывающе, однозначно. Спасайся, кто может.

Он опустился на поверхность «ботинка», щелкнул пневморемень, незримо оплел по торсу, захлестнул лодыжки – похоже, намечается нечто интересное после обездвиживания. Три секунды... Рекурсия обратного отсчета на стене напротив. Курносое создание справа слегка приподняло плечи, насколько позволил впившийся пивявкой ремень, глубоко вдохнуло, словно готовясь к пожизненному подводному заплыву.

Три последние секунды были ознаменованы движением лихорадочным, но полностью осознанным, по крайней мере, с его стороны. Он успел покоситься на бесцветно-матовую поверхность за ее спиной, оценить неуязвимую работу системы, не позволявшей отследить хотя бы часть ее имени или порядковый номер на мертвом для посторонних табло. Заметив его выходку, девчонка возвела ресницы в крайне насмешливую степень, вынудив не только к ней повернуться, но и заметить в девичьем превосходстве проблески растерянности и даже некоторого испуга, а после – раскрыть рот, не прибегая к мыслям.

— Ни пуха, ни пера, — миролюбиво сказал он, нарушая все протоколы и правила, поражая сам в себе, что готов вот так вот, сразу назначить свидание, если не в клубе «Джи», то у ближайших окрестностей в 22.00.

К ее чести и его удовлетворению, она успела ответить. Сказала быстрым, весьма приятным шепотом:

— Иди к черту.

После чего все пропало.

Арт сорвался с неслыханной скоростью, лязгнули зубы от резкого исчезновения подножия, вроде как надежного. Правду говорят, что все видимое и ощущаемое может быть лишь оболочкой твоего бреда...

Вниз, вниз на всех парах, с завидным ускорением в 9.8... Совладать бы с желудком, посягающим на место сердца, а то и гортани... Где-то в оставленной дали замирает визг иных обрушенных в абсолютно беззвездную бездну. С девчонками понятно, что с них взять. А вот представительные юнцы, столпы имперского баланса, оказывается, на многое способны. Орут матом, благим и вполне членораздельным, любо-дорого – фельдфебель на плацу поперхнулся

бы от зависти и ушел в долгую и беспробудную закваску по больничному листу. Кстати, девчонка о длинных ресницах в последний миг едва слышно и весьма аппетитно пискнула.

Симуляция? Очень смешно... Чувствуя, как долбит по вискам кровь, и зрачки плющит от перегрузок, стиснув зубы в бессильной злости и беспросветной тишине, прерываемой лишь стоном падавшего наудачу кресла, он совершенно случайно припомнил одну трогательную деталь... родного академического интерьера. Мышино-серую книженцию с густой траурной обводкой, каковой пугали на первом курсе для учебной мотивации и остратки. Скорбная готическая рамка на обложке оглушала ужасом процентов на девяносто, остальные десять доделывало содержание. Солидный томик с ФИО невезунчиков, не вернувшихся в родные казематы (не говоря уже о напрочь осиротевшем клубе «Джи») после такой вот симуляции, по причине экзистенциального нервного расстройства, никак не совместимого с жизнью. Стопудово, книженция и как в нее не попасть – сему предаются мысленно все низверженные.

Сильнее жажды немедленно прекратить этот волшебный полет – только мечта: навешать бы автору «симуляции». Врезать обстоятельно и по существу, как учили, и насколько позволяет такая отличительная черта как самообразование. А после присобачить к уютному трону и послать, словом и делом.

Интересно, как проходит низвержение милой и отзывчивой коллеги. Как-то не тянет обнаружить ее имя в траурном альманахе. Одним словом, держись, родная! Подумаешь, послала куда-то долу; и он, похоже, повиновался. Незнакомок следует утешать иначе, с использованием возвышенно-небесных аллегорий, не так пасмурно оно аукнется...

Его страдания словно услышали, падение замедлилось, но ненадолго. Рывком, мощным как выстрел катапульты, кинуло вверх. И вновь – незабываемые ощущения, привкус железа во рту, в глазах бесятся искры, причем, в правом – одной цветовой гаммы, а в левом вроде иной... Нет, гамма идентичная: агрессивный фанданго и равномерные огненные вкрапления, раздери небеса этих симуляторов...

Когда его, как мешок, швырнуло оземь, он уже и не мыслил, чтобы сподобиться сойти с головокружительного своего седалища. Собственно, он и не сошел. Выпал в осадок, пришпороженный ремнем, распластался лягушкой в благородном индиго, кашляя пылью на замусоленном полу среди железок, диких орудий застарелого, сермяжного быта очень давних, сочувствовавших ему веков. Сообразил, что самое время расстаться с кителем: неповоротлив он, да и парад не гарантирован. Так и сделал. И вовремя, потому что откуда-то сверху обрушилась фигура, так же предусмотрительно лишенная парадного лоска.

Пока он отдыхал на неких текстильных отбросах, приходя в себя от физического потрясения, фигура чертыхалась, используя гневные выражения, несвойственные ни ее сущности, ни полу. Прямые до плеч волосы цвета мокрого асфальта приукрашены белесой неблагоприятной мишурой с оттенком обычного мусора, небольшой, слегка капризный нос сочтется кровью. Фигура шмыгала, болезненно корчилась, поглаживая левую кисть и правую щиколотку, и стойко отфутболивала ругательства иноязычного толка по всем фронтам, куда ни озиралась. Заметив лежачего, прынула с четким французским призывом, приблизилась для оказания первой помощи, и тогда он узнал ее.

Уголки розовых губ мило дернулись в усмешке: в пострадавшем опознали нахального болтуна, но знакомство не состоялось – торжествующе грянул гонг, отчего дитя подпрыгнуло с грацией кошки, грохнув об пол железякой в виде ломика с кругляшом-наголовником. Какая-то запущенная лавка списанной архаики.

Будничный, металлизированный, лишенный всякой совести фальцет сообщил, что им надлежит вступить в поединок, с использованием любых подручных средств и приемов до полной и безусловной победы одной стороны. Словно они не люди, а стороны, согласно геометрии

бытия. Уточнение состояло в том, что победитель «получает все», а конкретнее – обретает беспрепятственный пожизненный доступ на Сириус. И альфа-привилегии.

Истязатель не унимался, вешал, что в случае отказа их учеба в Академии считается несостоявшейся, с забвением всех эпохальных подвигов, если таковые имеются в досье, со всеми вытекающими дискриминациями и глобальным общественным неодобрением. Вот, собственно, конец послания.

Сириус, альфа-привилегии... Как роскошно и грубо... Не стоит привлекать термин «безжалостно», все и так шито белыми нитками по черному профессорскому произволу. Кому он так насолил? Кто решил настолько свести с ним счеты, что вначале не пускал на тест, а теперь еще и внес рациональное предложение, от которого невозможно отказаться?

Вожделенная страна чудес, носившая название известной звезды, находилась в прилегающей к Млечному Пути галактике Андромеды, всего в 97 световых лет от родимого Солнца, на одной из стабильных экзо-систем Альфераца. Конкретнее – где-то близ Альфераца В. Плюс-минус парсеки. Там сориентируют.

Относительная близость к базовой, но совершенно ушатанной планете по имени Земля, а также приличная светимость ведомого компаньона двойной звезды позволили организовать там быт совершенно охренительный, со вкусом истинной футурологии и в духе классического утопизма (в смысле, утопиться и не встать) и чуть не бессмертия. Там на фиолетовых пляжах прозябали, не увядая, не то чтобы лучшие и достойнейшие умы современности... просто те, кому повезло с пропиской и определяющими будущность связями. Арт за свое недолгое пока двадцатилетие не удостоился к ним причаститься хотя бы на уровне фантазмагии. Порочивших его полезных связей он тоже не имел.

Выходит, сверхмудреная, засекреченная как... (от восторга даже челюсть свело) симуляция со спасением мира во внеземном контексте с обилием вечно злобных, как худющие тетки из деканата, гуманоидов или просто откровенных чужаков с внешностью голливудской саранчи – отменяется? Значит, ему предлагают выместить стресс (от поруганных предвкушений, бесцеремонного мотания с испытанием мозгов на прочность), пылко избив хорошенькую соседку до полной победы? И с чистой душой – на Сириус, с рожей победителя и альфа-ксивой? Райское наслаждение...

Какие футурологические мысли проносились в милой головке, объятай прической цвета мокрого асфальта, можно только догадываться, но судя по глазам, уставившимся на Арта вовсе не в философском борении, Сириус, определенно, поманил. Или нет. Не может Сириус не манить, решил он с упертостью обывателя. Слегка отвернувшись, не отводя взгляда от распахнутых зеленых ориентиров, осведомился панибратски у замершего вверху болвана:

— До первой крови, брат?

Хотя первая кровь уже была налицо, размазанная по светлеющей щеке, запекшаяся над прелестными розовыми губами, но стоило хотя бы попытаться.

— До полной победы, курсант.

Опасаясь, что этот идиот может для убедительности врубить им рекламу невыносимых вольностей на Сириусе, призрачном как пенсия по выслуге лет, Арт кратко, деликатно и самозабвенно ругнулся. Кажется, зеленоокая коллега не возражала. Кажется, была того же мнения. Закрепляя впечатление, он тактично высказался еще раз. Ступил вперед, сделав легкий и весьма картинный упор коленом – для облегчавшей участь дамы борцовской стойки.

Цифровой болван благосклонно провешал, что для господ экзаменуемых время пошло. И, в общем-то, с богом.

Быстро вскинув глаза в поисках изводящего выскочки, девчонка поморщилась. Выдала хрипловато, на этот раз изуверски игнорируя аутентичный акцент:

— Пардон, мон ами, — и мощным носком ботинка увесисто зарядила ему по коленной чашечке, выставленной как на витрине, словно по мишени.

Пока он, слегка сложившись, переживал неожиданную, женственно-коварную шалость, француженка метнулась к залежам живописного тряпья и вдогонку огрела его пыльной ветошью. Не пустой, со щедрым металлическим привеском, судя по отзывам рецепторов. Варварство по половому признаку. Но разозлил его, по большому счету, повисший над баталией алебастровый чад, Арт бросился в лобовую, желая настичь и стреножить, но оппонентка покошачьи уворачивалась, юлила, закидывая его, чем придется, по сути – откровенной дрянью. Что, честно говоря, было обиднее всего. Государственный итоговый экзамен при напоре урезанном бюджете, допускающем использование хоть мусорного ведра или, в углубленном формате, урны. При заоблачных гарантиях, если один физически или морально изведет другого и улетит на Сириус ... Мысленно благословляя автора идеи, он заметил, что за взвившейся в воздух мутью соперница умудрилась исчезнуть. Добывать тряпьем не стала, что характерно.

Ну и ладушки, по крайней мере, визоры честно выдают, что он не кажет тыл и терпеливо ожидает дальнейших глупостей. Хотелось бы узнать у сопровождавшей интеллектуальной «кукушки», сколько им еще на роду писано часов, минут или, кто поймет эту чудную систему, секунд позора. Но комментатор, откуковав основные требования, подозрительно примолк вместе с созданием, притаившемся за высокотехнологичными останками.

Получив время на озиране боевых окрестностей или даже баррикад в стиле великого французского сопротивления, Арт быстро пришел к выводу, что не такие они издевательски первобытные, как кажется.

Что-то, судя по прикосновению, было реальным, а что-то – правдивой до отвращения голографической бутафорией, сквозь которую ободранные уже пальцы проходили без помех. Вот пыль тут ядерная, высший сорт – создатели не поскупились, за что низкий им поклон. И главное – что-то явно скрыто от зрения, но обнаруживается под плавающей внешней средой, как, например, некая палица, на ощупь гладкая, с удобной, практичной выемкой для ладони, добросовестно выплавленная из металла, судя по весу и хладности. Длиною сантиметров восемьдесят.

Арт, с монументальностью статуи, вознес исполинскую невидаль над хаосом, неслабо напрягая мышцы, чувствуя себя по меньшей мере питекантропом на пьедестале истории под немеркнущим хитом «Эх, дубинушка». Эврика, обнаружен девайс – многофункциональный, запатентованный предками: и соседей от огорода отведит, и супругу поддаст ума. Уникальная штука, иначе бы не подсунули ее под ноги. Капкана на кабана или рожна какого – не завалилось тут, случаем?

Как-то на лекциях их дразнили спаррингами в разных измерениях. На вопросы особо любознательных, к коим, понятно, относились они с Рейном, бездушный лектор лишь обмолвился, что это – «продвинутые и дорогостоящие концепции сражений нового поколения». Боец-де и его оружие находятся в разных пространственных проекциях, но это не мешает боевому превосходству...

Вон оно что... Значит, для них замутили именно такое превосходство. Значит, дорогостоящее. Теперь, по логике боя, чтобы оправдать затраты, нужно в сжатые сроки по индивидуальной программе овладеть концепциями. Непременно победными. Но палочка ведь невидима. Неверно замахнись – и огрешь ненароком по хребту себя любимого либо снесешь вон той прекрасной незнакомке темечко. И, глубокий пардон, на какой резон тебе потом этот пошлый Сириус?

Отложив дубину, которая никак не вязалась с его имиджем, боевым и вообще, он принялся осторожно обшаривать окрестности, понимая подсознательно, что экзамен при таких впечатляющих исходных кратким во времени не получится. За полчаса, то есть, к Сириусу не подобраться. Даже если пожурить организаторов тем патентом.

Коллега, похоже, аналогично увлеклась на своей стороне свалки. Или помойки. С ничемным противником его в пару бы не поставили, и наивно думать, что ему исключительно по слепому жребию выпала именно эта резвая пантера. Как огорчает, тоже поклонница Сириуса и, вероятно, славная ученица, что она отчасти уже доказала, улизнув из поля зрения. Не стоит себя так унижать, будем считать, что она бежала, отчаянно спасая свою жизнь, как красиво пишут в романах. И пока что именно он – на высоте и с битой богатыря по первому требованию, с триумфальной миной при вознесенной главе, отяжелевшей от дум и пыли...

В безумной надежде обнаружить подложенный именно для него эфес шпаги, нунчаки, боевые цепи или хотя бы воспитательный ремень вместо неэстетичной булавы, он продирался сквозь неприглядный до ряби в глазах утиль. Наткнулся на рукоять чего-то прохладного, легшего в ладонь и словно в нее вмерзшего. Помучившись, в несколько подходов выдергивая увесистое продолжение из сопротивляющегося эфира, мягко и неслышно, по инерции от поддавшегося действия повалился на спину, приканчивая тем самым репутацию таинственно-сизого (некогда, в лучшие сезоны), выходного обмундирования.

Находка порадовала бы его, кабы не примыкающие обстоятельства. Найденная рукоять оказалась искусно изваянной частью узкого, чрезвычайно комфортного для его носителя меча, весьма изостренного (он уже порезался), готового к любым батальным экзерсисам. Мечтал о таком всю жизнь, так думалось Арту, пока пальцы скользили по изумительным особенностям гравировки, ощущая аристократический отклик стали, словно обретшей давно утерянного господина. Подобия крупных, отчетливо ограненных камней у основания эфеса озадачивали. Производили смутные аллюзии. Казалось, пальцы чувствуют, как роскошно блестят эти камни. И в каком спектре. Вот этот, центральный, тактильно напоминает рубин.

«Рыцарь Круглого стола, блин», — подумалось ему. А ведь сэру Ланселоту, допустим, не доводилось кружить вокруг да около девичьего пола с далеко не рыцарскими манерами. Бестолочи безнадежные... реконструировать Англию V-го века и смешать ее с грязным сараем, словно так оно все и было... Тут живо и обстоятельно вспомнилась исторически противоречивая девица Гвиневера, которая досталась отчего-то в королевы Артуру, а не Ланселоту. Внезапно его жаром обдало от откровения: помнится, еще сегодня утром его звали Артуром, пусть и не Пендрегеном. И это даже не янки при дворе короля Артура, все куда симптоматичнее...

Размышляя, полагается ли Гвиневере, согласно хронологическому правдоподобию, хоть какое-нибудь, чисто символическое оружие для запугивания рыцарей, не считая уже имеющейся разящей красоты, он поднялся. Держа находку клинком вниз, обратился к завалам:

— Мадемуазель, ваш пардон принят. Я готов, если что, мон ами... Но не настаиваю, могу подождать, сколько пожелаете...

В качестве ответа за очертаниями свалки раздраженно чихнули, и ему осталось галантно и остроумно пожелать здоровья на многие лета, после чего явилась разъяренная его бестактностью мадмуазель. Никакого сравнения с Гвиневерой, в эпохальную бытность сводившей с ума беднягу Ланселота на пару с Артуром, а то и кем-нибудь еще, на данный критический момент она не имела. Походила более на озабоченного тяготами судьбы домовенка, нечаянно застрявшего в трубе или ином каком отверстии. Волосы цвета и консистенции персти земной, навязчивой, не в пример Сириусовой, стояли почти торчком, подвергшись воздействию перwokлассного кондиционера. Очи цвета свежего клевера взирали настороженно и крайне подзрительно, несмотря на дружелюбную усмешку, произведенную горе-партнером при виде ее внешних подробностей.

В ответ она, не таясь, фыркнула бумерангом прямо ему в физиономию, таким же бессовестным образом обесцвеченную чертовой пылью. Стрижка Арта слишком коротка была для шевелюры домашней нечисти. Быть может, ему выпало почетное право представлять некое архаичное, как и Ланселот, пугалище огородное в степях Камелота или что-то настолько же

рыцарски возвышенное времен зарождающейся британской демократии. Он себя не наблюдал, возможно, к счастью.

Она дерзки прищурилась в изумрудных тонах и тоже сжимала *ничто*, и он незаметно тронул лимб, попробовал мысленно сканировать ее текущее раздражение, хотя бы по поверхности. Не мешало прояснить на всякий случай, что за артефакт будет противостоять Экскалибуру. Если, допустим, это облегченный вариант дубинки для нежного пользования, стоит приготовиться к эксклюзивным впечатлениям, продумать тактику с махами-оберегами, в интересах оппонентки.

Его КОТ наткнулся на полную непроницаемость. Воительница с наслаждением улыбнулась, закинув голову, без труда заприметив его неуловимое поползновение. Через мысли к ней не подобраться, и это великолепно: ему не хотелось, чтобы и она прошла хоть по кромке его бескрайних берегов, кишящих великими подвигами ланселотов.

А что там в его голове? Во-первых, он не будет нападать первым, что бы она там ни откопала в свою защиту. Это не противоречит тактике победы и не влияет на исход. Если только слегка его оттягивает...

Внезапно она сложилась пружинкой и выпрыгнула навстречу, начав самый важный поединок в их жизни.

Судя по прозвеневшему над головами стальному эху, его меч сошелся в блистательной схватке с иным мечом. То, что невидимые орудия на выходе производили оглушительные звуковые волны, было не совсем логичным в теории, но не это стало основной причиной изумления. Ее скорость, гибкость, сногшибательная реакция вкупе со снисходительным прищуром – вот это реально выводило из себя и настраивало если не на долговременное состязание, с чем он не стал бы спорить, то хотя бы на сверхосторожное поведение.

Сколько они так кружили, дублируя свои же следы во прахе, протаптывая новые тропы и забираясь в дебри по щиколотки, прыгали по захламленному, отчасти голографическому подиуму, охваченные волнением боя, детским восторгом от новых игрушек и мерзкой пылью, – одному всеведущему электронному оку ведомо. Она дразнила его, ставила бой на паузу, изящно заводя меч за спину, судя по движению кисти, восторженно и тонко фыркая, поскольку он не поддавался, ни в какую не атаковал ее, условно безоружную. Сама не особо, кстати, нападала; луженой ветошью лупила не в пример игривее. Наконец Арт стал примечать, что мадмуазель тяжелее дышит и с очевидным трудом тягает недамское оружие. Невидимое, но и не пушинку.

Честности ради, его это не обрадовало. Сражались они не только эстетично, но и весьма аккуратно, и за вычетом сбитых в начале костяшек пальцев, ранений не наблюдалось. Уж он-то постарался. Филигранная схватка, некровожадная, респектабельная даже. В глазах дамы явственно читалась неуверенность по поводу дальнейших действий в условиях затянувшегося противостояния. Не то чтобы она боялась, что он ее прикончит, следуя безнравственному совету свыше... Что-то иное неразлично сквозило в девичьем взгляде, дивно изумрудном на фоне дикого, оголтело обнимавшего их запустения. Честное слово, рискнуть, уговорить ее на ничью? На радостях разжалования пригласить в романтическую ссылку на двоих? Оба дрались настолько автоматически (или так казалось от монотонности выпадов, защит и лягання), что стоило ожидать: кто-то непременно ошибется, просто заигравшись, как бывает в любом виде изящного искусства...

Так и случилось, когда они поменяли диспозицию, и он рассмотрел за ее спиной призрачное нагромождение, как две капли воды напоминавшее Камелот в разрезе, но как бы изнутри. К сожалению, маячившие сзади останки чьей-то былой доблести оказались вовсе не обманкой, и, опрокинувшись, она не успела встать.

Он отшвырнул меч и, навалившись прямо на утонченное создание, ловким и, вроде как, неизвестным ей приемом выкрутил клинок из ее руки. Отбросил в сторону. Прямо перед собой увидел беспомощно распятое в упругом сопротивлении, вздымающееся девичье тело. Она упиралась и шурилась вовсе не умоляюще. Тональность взгляда изменилась в худшую сторону, едва он позволил себе ее процитировать.

— Pardon, mon amie [2. Прости, друг мой (фр. яз.)], — произнес он с чисто версальской непосредственностью, с извиняющимся, но сладостным удовлетворением победителя, фактически небожителя Сириуса, и отметил неистово взорвавшиеся протестными искрами глазищи. Если бы она притворилась, что лишается чувств от непомерности испытания, он бы «прикрыл» ее, но не купился на извечную дамскую увертку. Но ни в одном глазу, терять сознание она не собиралась, хотя силы ее, судя по противодействию мускулов, подходили к концу.

И тут вмешался, наконец, сторонний наблюдатель и ровным нелюдским прононсом на нескольких языках (для прочности понимания в многонациональной англо-саксонской среде Камелота) порекомендовал тому, кто находится выше по отношению к покрывшему пол праху, добить в честной бойне того, кто пониже и укрывает этот самый прах невезучим своим телом. Того, кто оказался слабее. Ничего личного, всего лишь генеральный срез на воинскую доблесть. И о дополнительных сюрпризах теста их ведь под роспись предупреждали. Те самые тощие тетки из деканата.

Ну разумеется... После самого изысканного в его практике боя – добить, однозначно... На секунду он закрыл глаза. Открыл. Не ошибся он в темном коридоре – она была вызывающе прекрасна, даже под покровом неудачного макияжа, будучи зверски, запредельно даже перепачканной. Тонкие, нежные черты, очаровательно скругленный овал лица, высокие скулы, застывшие в бессилии губы, а что до глаз, то она зажмурилась – в знак протеста.

Желваки его заходили возмущенно, рука нащупала тихо остывающий Экскалибур – таким вообще-то не лишают дам жизни, а напротив, гарантируют неприкосновенность. Именно такая аура сочится от новообретенного клинка. Поддержка меча была бы очень кстати. Тем более меча не примитивно обозримого, а «потустороннего» – это уже отдает инновацией, на которую не грех свалить все, что косо выходит: все сплошь и рядом так делают. И если дурачье в погонах его не поймет, то будет, чем крыть, жестко и по факту: честное острие не собирается участвовать в организованном беспределе.

Видя его несогласие, выраженное даже спиной и ошетилившимся затылком, голос гнусаво повторил рекомендацию. Губы соперницы, находившейся под гнетом его рук и колен, отчетливо побледнели под плотным слоем грязи, напоминавшей театральный грим, но ни капли боязни не отразилось в ее великолепных, раскрывшихся до отказа глазах. Она вроде как обреченно и беспомощно пожала плечами. Он уловил даже что-то вроде ласковой прощальной усмешки и успел рассердиться на то, что она решила, будто он решил... Это после столь вежливой прелюдии!

— Не бойся, — бросил он быстро, одними губами, и выкрикнул в сердцах, целясь прямо в наушники надзирателя:

— К черту твой Сириус, скотина несговорчивая!

Измученное, навзничь уложенное произведение искусства замерло, распахнув тяжелые, густо обросшие пылью ресницы. Пока доглядчик, оскорбленный прямо на экзамене в прямом эфире, обдумывал эмоциональное заявление или с кем-то не менее оскорбленным советовался, может, роняя слезу и заикаясь, Арт вознамерился более степенно и аргументированно доказать свою точку зрения (впрок, для справедливого трибунала, если пригласят). И добавил, глядя прямо по адресу, в зеленеющее под ним сопротивление:

— Это против правил, не по Уставу! Свой своего никогда не добьет!

— М-м-м-м... А если это не свой? Если это чужой? — помолчав, вкрадчиво осведомилась несговорчивая скотина, впрочем, ничем не выдавая неудовольствия.

Кто из озверевших на всю голову командиров общался с ним через эту болванку? Арт пытался распознать, но исходя из вялого, размазанного кашей «м-м-м-м» — в принципе и по долгу окаянной службы, это мог быть любой из них. «Чужой»? Не намек ли это на то, что он действительно ни разу за шесть долбанных лет не лицезрел смирно лежащего под ним чуда? И пусть.

— Чужого не заставили бы драться со мной, и я — не палач, — глядя на растянутую фигурку, непокорно бросил он.

— А если, в таком случае, с ней разберутся другие, посмелее и посправнее? — неожиданно оживилась болванка, и (о чудо!) Арт увидел местных аборигенов, трех молодцов, экипированных как для мировой заварухи, выплывших из туманов Камелота с самым бесхитростным намерением подойти поближе и разобраться.

— Убью. В алфавитном порядке, дубиной, — пообещал Арт сквозь зубы, дернувшись к скалке для забоя мамонтов, и троица послушно испарилась.

Он напутствовал их от души, каясь, что не может проводить по обычаю гостеприимства, одновременно отмечая девичий ускоряющийся пульс в своих пальцах, после чего получил знатный удар в пах и ослепляющий, подводящий черту хук слева. Последним бессильным росчерком сознания заметил занявшееся со всех сторон, откуда ни возьмись, темно-алое, цвета крови пламя.

Глава 2. Заклинательница дождя

— Меня что, в расход? В крематорий?

Двинув неподъемной, как чурка, головой, Арт убедился, что он абсолютно гол как сокол или наг, как Адам в час сотворения, но в отличие от дальнего родственника, находится в подозрительно прозрачном продолговатом ящике, под убедительно пугающей схожей прозрачностью крышкой. Этакое обнуление в плане одежды, сладкое нюдовое безделье со смутно неприятной подоплекой и неизвестным развитием сюжета.

Успокаивало то, что обиталище его никуда пока не двигалось, находясь в окружении разнообразных подсвеченных стендов, штативов неясного назначения, закупоренных белоснежных контейнеров, округло застывших под россыпью молочного цвета ламп, льющих безболезненный свет. И ничего похожего на крематорий или адский котел. Никаких траурных ромашек по типу «оживет-не оживет», ни лент с пожеланием доброго пути в один конец, ни трогательных некрологов. Ноль провожающих, клянущих безвременное его испепеление с попаданием в стальную колбочку с амарантовой звездочкой (это если таки прошел тест и тихо канул в бессмертие с почетным занесением в книгу книг). Лишь неслышно проплывающие под высокой твердью упитанные, но невесомые колбочки — подобия глазастых головастика, светящихся изнутри небесной чистотой. Бесхвостые, покачивающиеся по ходу движения поплавки, подчиняющиеся внутреннему центру тяжести. Воздухоплатели.

Один из них, поочередно прикрывая темные, идеально круглые матовые глазницы без зрачков, как обыкновенно бывает у машин, равномерно высвобождал что-то позитивное, сочно-апельсиновое, растворяющееся в воздухе в виде тающих, крайне ароматных облачков. Арту невозможно запахло цитрусами, скорее всего, именно в его бодрствующей подкорке. Назначение иных модулей оставалось под вопросом, но на бездушных ищек славные, нейтральной масти устройства не походили. Они могли, к примеру, прочищать воздух и сознание, измерять температуру и IQ, атаковать вирусы и непрошенных персон, вмешиваться в жизненный цикл с медицинскими целями, а заодно слегка надзирать за ящиком, что белеется внизу. Или все скопом, что очевиднее.

— Типун тебе на язык, — старообрядчески ответил голос, приятный и звучный, полно-весно женский.

Он вздрогнул одними глазами, насколько хватило сил, поморгал, поводит ими в разные стороны – запас доступных операций иссяк. В доступной панораме – никого, и вряд ли «головастики» столь эмоциональны. Вывод?

— Дерзай, курсант, спрашивай! — грянуло бодро над левым ухом, и в голове больше не гремел лязг мечей. Даже отзвуки, даже эхо войны пропало.

Курсант! Значит, его не отчислили, не дали примкнуть к разряду безнадежных, оскверненных внезапным благородством, горько посредственных неслухов? Назначили пересдачу как ведущему студенту, лихо завалившему генеральный тест?

— Я не отчислен?

— Отнюдь, смею полагать, — ответчица как бы даже планировала издать смешок, вопреки протоколу.

Неловко предположить, что некая веселая на язык барышня созерцает сейчас его распростертое в ящике состояние, усиленное беспримерной первозданной наготой.

— Вы кто, можно узнать? — как можно небрежнее осведомился он, притворяясь, что только и делает изо дня в день, что просыпается нагишом в чужой компании, без всякого зазрения совести.

— Желаете познакомиться поближе?

Голос звенел такими чистыми, сознательно легкомысленными нотками, что он, к собственному даже стыду, зарделся до кончика носа и пальцев на ногах. Многовато на сегодня головокружительных поворотов и сногшибательных предложений... Его, скажем так, уже сшибло, прямым попаданием в ящик.

— Почему бы и нет? — бухнул он, потому что отступить из новой локации было некуда. Сражение вроде как продолжалось, в отсутствие клинков – словесно.

— Да, парень, твои способности впечатляют, — пропел голос. — Не зря тебя определили под чуткую мою ответственность...

— Так познакомимся или нет? — настойчиво и хмуро, исключительно по причине неблагоприятного положения почти пригрозил он, наблюдая над собой очередную цитрусовую вспышку, эстетичной, высокохудожественной диффузией сливавшуюся с текучей бесцветной, по ощущениям дистиллированной средой. Это диффузия так разглагольствует, что ли?

— Уговорил! — выдали ему растроганно.

К нему что-то приблизилось словно на невидимых колесах, или воздушной подушке, или каким другим манером.

Непрофессионально раскрывши рот, он ахнул, обозревая бесплотное темнеющее очертание явно немужских форм и габаритов, трехмерное (если не больше), с потрясающей идентификацией безумно красивой молодой женщины. Да какой там женщины! Девушки, стройной как осинка, изумительно сложенной, с тонкими руками гимнастки и гибкой талией. 90-60-90, а-ля двадцатый, конец века. Не придраться. Безупречную грудь обтягивает что-то вроде столь же бесплотной материи с пуговками, мерцающими по принципу синкоп. А под нею просвечивает весь неизвестный ему интерьер, включая деловитых головастиков, следующих техническому своему призванию. Так движутся и, возможно, выглядят древние призраки. Одно «но»: внутренний, совсем не органический отсвет, глубокий, переливающийся чем-то вроде усмирненной сжиженной плазмы в ее оболочке, не соответствует духу, который находится в самом позитивном расположении духа. Арт хохотнул про себя, приветствуя ожившие нейронные связи, что в его плоти отвечают за острословие.

Одухотворенной субстанции, похоже, понравился его интерес, и она еще чуточку приблизилась, демонстрируя внезапную, мгновенную даже скорость, соблазнительно-короткую прическу с тонким пробором и элегантными женственными височками, пышные до бесподобия ресницы, изящный прямой нос и обескураживающей прелести глаза. Особый, чуть удлиненный разрез глаз, сродни индейскому. Она и темна была как индейская смуглая дева, превра-

ценная в 3-D объект для увековечивания миловидности. На ней имелось фантомного цвета платице, маленькое, как у юных чаровниц, тревожащих мужское начало, таящееся под ките-лем... которого как раз и не нашлось в его распоряжении, какая жаль... Перед такой неруко-творной красотой ему стало душновато в собственном ящике, вполне добротном и благоустро-енном, и как-то не по себе.

— Ну? — она склонила голову, роняя сдержанную королевскую улыбку.

— Вот это номер, — искренне заявил кадет, — с ума сойти и не встать...

По большому счету, он донес истинную правду момента: ему до сумасшествия неловко, что он разлегся перед ней в чем мама родила (и забыла запеленать от радости рождения), готов испариться под потолок, к летучим братьям меньшим, но не может пошевелить «ни клешней, ни ластами», как констатировал бы Рейн. «Кивало» слегка кивает, и на том благо-дарствуйте.

— Артур Леннер, приятно познакомиться...

Радикально идиотское приветствие прозвучало, как ни странно, вполне приличной пре-амбулой, потому что индейская дева самой чистой красоты мелодично отозвалась:

— И мне необычайно приятно, Леннер Артур...

Она делала ударение на «а» в его имени. Говорила в несвойственной машинам манере. Собственно, она и не машина. Утешало самолюбие то, что ей, на правах продукта... нет, шедевра высокого человеческого гения, позволительно наблюдать человеческую натуру, так скажем, в натуре. Его подсознание повторно безответственно хихикнуло. Если это *то*, о чем он думает, то *ей* по статусу положено отсматривать новоприбывших. Она хлеще самого при-стального рентгена видит его насквозь, не то что гуманитарную физиологию. Каковая, кстати, на высшем уровне.

— В вашей ослепительно-броуновской среде не принято себя называть? Технологиче-ская тайна? — не удержался он, потому что ему уже нечего было терять, вообще. Уютная вит-рина, где его выставили на обозрение всем, включая головастиков, — и та ему не принадлежала.

Она с удовольствием хмыкнула в высокой мелодике и сказала, не сводя с него глаз:

— Я — Интелла, твой ассистент, пока что медицинский.

— Я пока что болен?

— Ты не помнишь?

— Тут — помню. — Голова его вяло качнулась вправо, затем влево. — А тут — не вполне...

— Индекс твоего сопротивления — высокий, — помолчав, сказала она уже не так шалов-ливо. — Верно, воспоминания не приносят тебе удовольствия?

Он понял, что это ключевой вопрос, но отнесся к нему как к риторическому, то есть наплевательски. Вздыхнул:

— Можно встать, с твоего медицинского разрешения, и одеться?

Она внимательно взгляделась в него темными, до озноба бездонными глазами:

— Ты способен?

— Отнюдь, — беззлобно процитировал он, — но очень хочется... говорить с чудо-девуш-кой если не в вертикальной позиции, то хотя бы сидя и исключительно при каком-никаком туалете. Хотя в смирительной рубашке, хотя в больничной распашонке или подгузнике. Хотя бы носки дайте прикрыться...

Она засмеялась колокольчиками, как сделала бы обыкновенная девчонка (быть может, и невольная его коллега по атакам на мечях).

— Вот за девушку благодарю, — отсмеявшись, сказала она, проводя ладонью по темному лицу. — А за «чудо» — позволю встать и одеться. Видишь ли, в этом манеже только пациент решает, готов ли он продолжить существование на ногах или хотя бы сидя в носках. — Она быстро на него взглянула, поправила волосы, и на скульптурном, насквозь просвечивающем

запястье неведомым металлом сверкнули ювелирно-тонюсенькие браслеты, увитые аленькими камешками. — Раз ты спрашиваешь, значит, ты готов.

— Но я ведь не могу пошевелиться!!!

Вне сомнений, то был крик души, апофеоз сегодняшней (либо вчерашней, кто ее теперь угадает) постановочно-опереточной драмы.

Отчаянный протест был принят.

— Однако это тебе не помешало попытаться поднять непослушное тело, ведь так? Думается, если бы ты мог, давно уже покинул то, что ты наверняка именуешь... — собеседница быстро улыбнулась, — подозрительным ящиком, по образу и подобию... выбрался бы из *прото-капсулы* и спросил дорогу у одного из малышей, — она указала наверх, — или у меня.

Он согласно кивнул. Именно так он и поступил бы, выбравшись, на его счастье, не из ящика, а из капсулы, что совершенно меняет дело. Ну что вы, прото-капсула – мечта младенчества. Восстав, с полным правом он сдернул бы оконную занавесь и с ликом разгневанного императора или хотя бы слабо подражающего ему патриция в портьерной тоге покинул бы тихое пристанище с ящиками. Пардон, с капсулами.

Вот только нет тут никаких портьер. И окна с той же регулярностью отсутствуют в огромнейшей, пространной во все стороны палате. Палате ли? Подробности теряются за чередой белейших ширм, кейсов, стеллажей, таких же капсул, временно пустующих, и летучих малышей. В сих явно медицинских достопримечательных местах застревать не приходилось. Их курсантские представительства не дошли пока до такой чести. Нет, все-таки дошли, в его лице, пусть и не своими ногами.

Только тут до него дошло, что он разносторонне крутит головой, проверяет ее целостность, ерошит первозданной шелковистости шевелюру. Вот так пространственный сдвиг!

— Не торопись, — заметила девушка слишком мелодично для медицинского ассистента, — твоя реабилитация итеративна и скоро завершится. Будь добр, наберись терпения еще на две минуты. Ты какую музыку предпочитаешь? Классика тебя устроит? Туманный Альбион пятого века, шестого?

— Мне бы первобытную Полинезию. На рубеже миллениума, если не затруднит.

Она улыбнулась одному из малышей, и пока Арт хмуро анализировал обмолвку о Туманном Альбионе, в уши потекла вполне благозвучная, как все исконно классическое, симфония номер восемь (Рейн поспорил бы, что номер девять, ну да Бог с ним, неучем). Никакой не Альбион, если начистоту.

Дальше и вовсе понеслись несусветные чудотворения по древнеиндейской рецептуре. Воздев глаза, переливающаяся темнотой смуглянка стала едва слышно произносить незнакомые, но крайне фундаментальные, как все латинское, благозвучные термины, и в ответ отовсюду начали слетаться, как на римский форум, посланники – с апельсиновым содержимым и без него.

Явились и субъекты, каких он еще здесь не видел: ярко-бирюзовые крепыши, семь экземпляров, выстроившиеся над его убежищем в стройную цепочку. Ни одно ее звено не собиралось реагировать на вытаращенные глаза и готовые сорваться с курсантских уст клятвы, что никакое медицинское содействие, тем более столь широкомасштабное, с привлечением санитарной авиации, ему не требуется.

Из обтекаемых лучисто-синих, мерно покачивавшихся тучек, забасивших монотонно на фоне симфонии (действительно скакнувшей в альбионову балладу), сначала моросью, а потом смелее закапало что-то лазурное, текучее, влажное на вид, имевшее естественную способность образовывать именно дождевые капли, а не выливаться на обнаженное человеческое потрясение как из ведра, единым наводнением. Прикрывавшая Арта глазурь, прочная как металлизированное волокно (он уже умудрился проверить, благо мышцы повиновались), их не оста-

новила, и глаза он не зажмурил из наивного интереса: что же эти проникновенные крошки сотворят в его личном психологическом пространстве. К их чести, они нисколько не докучали. Со скрупулезной точностью и выверенностью неощутимо разбежались по рельефной курсантской кубатуре, приготовившейся млеть от щекотки, и сложили подобие мерцающей голубоватой сетки с бриллиантовым блеском на пересечении нитей.

Неугомонный, он вовсю распускал руки, самозабвенно дирижируя в такт, следил, как капли переливаются на коже, деликатно входят в поры и подают признаки уже внутренней сущностной активности. Не хуже, как у эбеновой заклинительницы дождя, продолжавшей странный технологический обряд. Она превосходно зрела это ребячество, сигнализирувавшее об одном: приятная целебная мистерия слегка уже буйному больному поднадоела.

Классика продолжала еще благотворное воздействие, а синие нити канули внутрь юношеской непосредственности и носа назад не казали, и внутри вели себя пристойно. Вереница поплавок удовлетворенно рассредоточилась по прежним местам, и он нетерпеливо протянул руки к крышке, чтобы с нею разобраться по-свойски и восстать, как полагается. Но она опередила его и прекратила брэнное стеклянное (или прото-иное) существование, не предоставив ему ни малейшего шанса восторжествовать. Издевательство какое-то... в ящике...

Склонив голову к плечу, с исконно человеческим озорством Интелла наблюдала, как кадет удивленно растирает мышцы, оказавшиеся не особо деревянными, присаживается в капсуле, смущенно примеряясь, как бы дотянуться до ширмы самого медицинского цвета, назначения, даже запаха. Очевидным было его намерение изолироваться от общества. Она снисходительно глянула на ширму, и та послушно, деликатно и тоненько поскрипывая колесиками, подкатила ближе, в зону досягаемости, бормоча опять же по-античному, что готова к услугам и все такое. Арт проворчал «bona» [3.bona – хорошо (лат. яз.)], дабы не прослыть невеждой перед задергущкой-воображалой, с удовольствием сцапал ее за блестящую, приятно скругленную ручку. Быстрым рывком отгородил себя от ассистента, все же, как ни крути, дамы. Хоть и индейской, с особым культурным прологом.

— Где-то, я извиняюсь, осталась моя одежда, — заикнулся он, чувствуя себя как классический агент под прикрытием. И осекся, вспомнив, во что она, несчастная одежда его, превратилась после страстей с игрищами на мечях. Бесславная воинская потеха, истоптанный амфитеатр... Вопрос о напарнице вертелся как самый наболевший, но он приберег его на потом, хотя очень томился. Очень. Его раскаленно тянуло оглядеться со всей откровенностью в поисках аналогичной «рабочей» прото-капсулы. Надежда на то, что зеленоглазое чудо – рядом, вообще-то не выдерживала ни ума, ни фантазии. Наверняка есть в этом клиническом раю разделение на пресловутые «М» и «Ж». Хотя, судя по женственному ассистенту, можно в этом и усомниться... Возможно, это место великого уравнения.

— О, не изволь беспокоиться, — охотно отозвалась она и воззрилась на одного из ближних головастика, который добрейшим духом воздуха следовал по своим делам. Малыш встрепенулся, развернулся, завис совсем неподалеку от Арта, чуть накренившись по инерции с тихим, но отчетливо слышным гулом, уплывавшим под потолок. Больного решили сегодня добить спецэффектами, по-видимому. Кого-то он ему напоминал, этот малыш: не то рекомбинантного шмелика-переростка, не то нафаршированную пилюлю, которую кажут детишкам для профилактики авитаминоза. Не то воздухоплавающего ихтиандра, глазевшего с исключительным расположением, что, в сравнении с недавним собеседником, бездушным болваном и несговорчивой скотиной, мягко говоря, изумляло.

Острый с обеих сторон, утонченно плоский берилловый луч вырвался из плотного вибрирующего тельца, достиг столика, праздно болтавшегося над полом в двух шагах от капсулы. Нейро-принтер, догадался Арт, когда под лучевой кистью стала проявляться, дюйм за дюймом, прочная непрозрачная ткань светло-бежевого оттенка, повторявшая цвет кожи. Его кожи, тон

в тон, чтобы быть точным. Полотно укладывалось ровными рядами, пока не превратилось в нательную футболку с очень важной, насущной единицей гардероба, обычно идущей в паре.

Этой парной исподней единице Арт обрадовался настолько, что заявил, не сомневаясь в ответе:

— Я ведь могу встать?!

— Ну разумеется, куда же тебя девать, — трогательно развела руками темная дева, восхищаясь его нетерпению выбраться из вполне благонадежного укрытия, в котором тепло, светло, и никто не заставляет ввязываться в неприятности.

Комплект оказался не просто удобным, подогнанным в размер. Обычно курсанты довольствовались одежкой с цифровыми характеристиками, которая сама себя подгоняла под их усредненные, но все же разнящиеся параметры. Здесь же чувствовались иные формулы – персональный подход, трогательный до подозрения. Неужели он, неприметно для себя, выдержал этот дурацкий тест Профи?

Казалось, темнеющий за ширмой ассистент может просветить его и в этом вопросе. Казалось даже, она дожидается этого вопроса с самого битого начала. Но он уже решил, собрав себя в мстительный кулак, что доставит *им всем* такое удовольствие, лишь когда посчитает нужным.

Да, все же по поводу фуфайки и того, что к ней причитается. На обоих – до оскомы заезженная, идеологически нелепая эмблема: литера А (от «Австралии», названия престижнейшей имперской институции), претенциозно расставившая мушкетерские сапожищи в немом и весьма опрометчивом предупреждении: пройти мимо можно только через ее... (ага, вот именно), а перед буквицей – чайка с предостерегающими крылами на фоне девятиконечной звезды. Вид у пернатой такой, будто что-то или кто-то наклеивается. Малый, но приметный грифельно-серый шеврон нанесен ювелирно, не грозит отпасть или переродиться в иную закорючку после испытания в стиральном агрегате. Одним словом, сдал, прошел, выдержал! Для чего его так обхаживают, в противном случае? Вряд ли во имя жертвоприношения «тузам» Сириуса.

Пока он, сосредоточенно поглядывая на спутницу поверх ширмы, на рекордной скорости облачал себя в тончайшую сертифицированную броню, шмель, словно на спор, искусно и живо производил следующую порцию гардероба. Ею оказалась ослепительно белая рубашка. Основательной она вышла, с латунными пуговицами, плотная и легкая... и то, что обновка не собиралась сминаться на фоне явно несинтетической составляющей, внушало уважение и стойкую тягу ее прифасонить. А там, глядишь, и дернуть в ней в сторону клуба «Джи», приводя в томление зрительниц, исключительно в провокационных целях.

— Ты очень привлекательный, для человека, — донеслось с той стороны ширмы. Вообще все это время Темнеющая Дева не мешала ему чувствовать себя человеком, даже предусмотрительно встала в полупрофиль, скульптурный, стереоскопический, загадочно переливавшийся всей внутренностью, где сверху-вниз и в обратном порядке прокатывались волны света.

— Спасибо, очень неожиданно, — приврал он, собственно, тоже от жуткой неожиданности.

Когда на нем оказались произведенные таким же манером брюки, он совсем дистанцировался от смущения, позволил себе заговорить, чувствуя, что вот теперь – пора:

— Итак, вы – Интелла... Благодарю за содействие.

Ему показалось уместным направить отношения в сугубо деловые берега.

— Да спрашивай, я не против, — засмеялась она. — И к чему такой высокий слог? Неужели все дело в форменных брюках?

На этот раз рассмеялись оба.

— Значит, ты – Интелла, — уточнил Арт и тут же заметил, как ей это понравилось.

— Или Телла, для своих. Мой создатель именовал меня Аэлитой, и именно такой вокатив указан в моем резюме. Но это слишком пышное имя, я считаю.

Аэлита? Само собой, тонкое, изящное создание...

— Но ведь ты и сама... — начал он и поправился, — не пышная, разумеется, в смысле форм... В другом смысле...

— Ты знаешь, *что я такое?*

Интерес в ее голосе явлен был неприкрытый, невообразимый, и Арт воспринял его как позволение высказаться честно и напоследок:

— Мне очень и небезосновательно думается, что ты – весьма симпатичное, впечатляющее творение технологий, связанных с темной материей. И темной энергией, само собой, основой мира.

Зря... Зря глаголют, что машины или им подобные не могут выражать искреннее, непритворное восхищение.

Она изумилась, тонко повела бровью. Прерывистая восхитительно-фиолетовая тень прошла вниз и вверх, начиная от области воображаемого сердца, разбежалась по рукам, до самых кончиков пальцев.

— Ну-ка, поведай мне о моих тайнах...

Арт любезно добавил масла в фиолетовый всплеск:

— Твой гениальный создатель – Леонар Тенар, он же Антелла, имя которого ты взяла себе в производные. Видимо, ты неслабо его уважаешь. Не было надежды, что доведется с тобой общаться или хотя бы увидеть. Но страшно хотелось, — он открыто глянул на нее поверх ширмы.

— Подготовка у тебя отменная, нужно признать. В Академии не схимичили. — Она повернулась в полный фас и мгновенно очутилась у разделявшей их поверхности. Лишь теоретически допустимая, обалденно мгновенная скорость...

Вот тут она права, наверное. Потомственная выделка, горы осевших в голове томов, полковники в очереди пращуров... само собой, запрещенная литература на полке. На двух. Не станем вдохновенно кичиться, поскромничаем до поры.

— Кто автор твоего дизайна? — не сробев, спросил Арт, косясь на китель, которому берилловый луч неумоимо добавлял непоследовательно синие, с бриллиантовой искрой штрихи. Потрясающее техническое воображение – ваять синим с подачи зеленого, если без иронии.

— Внешнего образа, ты имеешь в виду? Это моя авторская модель самоидентификации, — сказала она. — Нравится? Разумеется, я могу быть любой...

Он застыл, пальцы бездарно застряли в отверстиях для пуговицы. Само собой, ему нравилось, дико. Моментально меняющиеся образы: от древней как мир, но основательной как икона стиля Софи Лорен до почти такой же архаичной старообрядицы в ступе, с истерзанным помелом, бородавками и упреками в сторону хронического радикулита. Кратковременная остановка на утонченном облике с продолговатым нежно-голубым ликом и пепельными глазами. Аэлита, от основателя, от истоков. «Где ты, где ты, Сын неба?» ...

— Мило, — усмехнулся он. — Я имею в виду Костяную Ногу в чулке Мерлин Монро. Попадание не то чтобы в яблочко. В червячка.

Он отвернулся, потянулся к кителью. Аппарат, технологично распевая в высоте арию творения, самозабвенно, в стахановском режиме ваял ремень, полновесную кожаную портупею.

— С тобой интересно. Я знала, что тебе понравится, *mon ami*...

Арт повернулся бы со всей порывистостью разъяренного зверя, не важно какого. Он мог, еще как мог... Но застыл к ней спиной с восставшими на дыбы мышцами, стиснув зубы. Видел, как побелели костяшки пальцев, схватившие за шкуру неприкаянный китель. Хотя как он мог видеть... глаза ничего не различали от душившейся страсти...

— Прости, пожалуйста, — искренне и просто раздалось позади.

Он изменил ориентацию в пространстве только после того, как проделал ряд важных на его взгляд действий. Мама ведь учила: если просят прощения, нужно кротко сделать вид, что... ну не важно. С мышечным превосходством провентилировал легкие и диафрагму, чтобы надолго хватило заправки, неспешно водрузил на себя китель, критично осмотрел все, что мог осмотреть без участия зеркала, проинспектировал петли для пуговиц. Особенно придрался к самым пуговицам, попугайски золотого колеру, пробуя примерно отодрать несколько, чтобы было за что предъявлять претензии потребителя. Пуговицы словно припаяны, даже с мясом, подлюки, не отдираются. Пробормотав хлестко и исключительно по-русски что-то не особо лестное по поводу подкладки в левом кармане, наощупь не совпавшей с аналогом справа, изволил преспокойно повернуться навстречу новым ощущениям.

Перед ним стояла его французская мадемуазель. Точно того же образа, как в той мглистой приемной для героически настроенных идиотов. Парень, держи себя в руках... экзамен по самообладанию, похоже, стихийно продолжается, а лже-француженка переливается как замкнувшая фотонная лампада у парадного подъезда в двенадцатую ночь. Волшебн... а дальше непечатно.

Он не выдержал, так и рубанул, принципиально опираясь на врожденное литературное чутье и наглухо присосавшуюся к нему пуговицу. Мол, небывалая лепота, золотое иссечение, вылитая Монализа в натуре, особенно с точки зрения мистических, не поддающихся анализу катаклизмов внутри талии, от коих можно и выпасть, да окна ноги сделали. А улыбка – полнометражный остросюжетный Леонардо да Винчи. Оба обалдели бы от улетной копии: и сам Леонардо, и его привесок.

Его поняли досконально. Изысканную присказку с ласково утрамбованными эпитетами уразумели тоже.

— Ты не палач, — молвила она в ответ на пронесшийся содержательный смерч, добавила мирно, когда он вскинул на нее колючие, посиневшие Ледовитым океаном глаза, — а я – не враг.

Казалось, кровь забьет из пор. Пар повалит из ушей. Руки совершат хакакири по отношению к карману. Ко всем карманам на борту. Вот и поплавки явно заторопились в его сторону, дабы оказать психологическую дефибрилляцию. Не тут-то было...

— Я – не враг, — настойчиво повторила она, быстро взглянув на приблизившегося малыша, отправив его в обратный полет, на юг или даже на восток. — Поговорим?

— О чем прикажете?

— О чем спросите.

— Где. Моя. Напарница.

— Ты имеешь в виду, соперница?

— Имею коллегу по цеху и по несчастью, которая меня пощадила, после того как вырубилась. Не проходила такая, нет? Одушевленная, пораненная только, знаете ли, грязноватых полутонов, в крови. Группу крови вот, блин, не заметил.

Она терпеливо отодвинулась от ширмы, неуловимо обратившись вновь в безобидную индейскую деву, обыкновенную, тускло озаренную по периметру заклинательницу дождя.

Глава 3. Продолжаем разговор

На нерегулярно скругленной самобранке из серебристого нейрополимера курилась чашка орехового чая, по-домашнему белая, глянцевая в оранжевый купеческий горох. Чистая керамика, не жаль такой и шарахнуть об пол со всей неловкостью гостя. Слоном в чайной лавке слыть пока не довелось, но когда-то ведь надо начинать...

Стряпни не было, зажали в кулацком хозяйстве. Только он проворчал сие почти про себя, крендели – прямо из печи, сдобренные маком – подали из виртуальной глубины на какой-то

хохломе. Чистое глумление над пустым желудком. В комплекте шла такая же вызывающе гороховая вазочка абрикосового содержания. Знает кошка, чье масло съела. Подкатывают, ищут слабинку, путь к сердцу мужчины. Отменно приготовленное питание, следует признать, с тонким миндальным послевкусием. Научились делать на высоте, смотри-кось. И сервировать. И варенья не пожалели. К чему бы это, честное курсантское? Желание «по ночам ломать башни и мстить случайному врагу» пока не отлегло, несмотря на дразнящую выпечку и новенькое, с иголочки, обмундирование, принципиально локтями водруженное на поле трапезы.

Он отщипнул кусочек благоухающего поджаристого теста, спросил с наслаждением:

— Опять симуляция, ага?

Со всех сторон рассмотрел крошку с разной степенью прищура: тонкая, однако, работа! Дал понять всеми предвзятыми искривлениями лица, что подозревает именно в ней подвох в виде токсина, впаянного в маковые зернышки. Потом изволил попробовать на зуб, соорудив страдальческое выражение, соответствовавшее первой стадии отравления. Потом ему надоело все это мракобесие возмездия, и он просто пил непрерывно подливаемый чай и грыз бублики. Молча, по рекомендации, вмурованной в сознание со времен ясельной группы, когда деревья были большими, а все вокруг говорили правду.

В довесок к бойкоту добавились румяные фаршированные некими кабачками блины со сметаной и прочие прелести дворянского быта. Молодой человек в форме не возражал, совершенно. Ни в коем разе не стремился «обожрать небесную аристократию». Просто тихо и вдумчиво завтракал «в одного». Или полдничал, как угодно. Аристократов не поймешь.

В овальных окнах браво метался ясный день, бесился от взвешенной свободы и высоченного простора, рассыпались искры торжествующего в зените солнца на фоне проступающей космической черноты. Тени каров, флипперов, долготелых, весьма уважаемых ракетов класса NS (Near Space/ «ближний космос») гибко и равномерно прочерчивали небольшую комнатку. Миниатюрный технический кабинетик, убранный до блеска, как служебная обитель патологически безвредного хирурга. Что-то типа подозрительно стерильной диспетчерской – по крайней мере, назначение болтавшегося в воздухе гелевого пульта ему не известно. На пыточную, опять же, не тянет. Признаков полиграфа не отмечается.

А вот это уже по его части. Жидкие высокоактивные звездные карты по стенам, параметры космических скоростей, цитаты Эйнштейна (забавно!), периодическая таблица Дмитрия Ивановича, постулаты человека, эффектно просветленного яблоком, внушительный, на пол-каморки, атомный телескоп – все визуально знакомо, кроме лениво подрагивающего пульта. Вероятно, новейший дизайн, что неудивительно в контексте странно-драматического спектакля.

— Как долго я ...

— Пробыл в ящике? — явно забавляясь, спросила она.

— В нем, родимом.

— В том модуле, который справился с твоими ожогами, нарастил кожные покровы, устранил гематомы и небольшие трещины, решил проблему с обедневшим волосным покровом на голове и не только... ты пробыл пять часов три минуты.

— С каких щей, прошу простить, такие сумасшедшие растраты? И сколько с меня за бублики?

... Когда основной приступ психа миновал, еще внизу, он позволил себя уговорить на «небольшое собеседование», как она это назвала.

После того, как один белоснежный малыш спикировал и в несколько минут обернулся зачетной циановой вагонеткой, они вдвоем отправились куда-то сначала резко вбок, с явным левым креном, потом правее, а затем откровенно ввысь, с приличными, сводившими челюсти

перегрузками долго и упорно возносясь чуть не на седьмые по счету небеса. Если в точном переложении, самую малость не дотянули до обратной стороны Луны.

Даже находясь в элеваторе со всеми признаками космического шаттла, с которым NS и рядом не стоял, он еще пробовал хамить, ляпнул вызывающе, куда же, так и растак, можно присесть в этой душной операционке. Кресло шелковисто отозвалось как раз на уровне места, неистово жаждавшего мягко упокоиться, вместе с потоком чистейшего ежевичного воздуха, скользнувшего в обоняние. И чудной присказкой, как нельзя по случаю, с глазами темными, рожденными бездной, заведенными в ледяную синеву:

— *Там Начальник в ярком доспехе,*

В грозном шлеме звездных лучей.

И к старинной бранной потехе

Огнекрылых зов трубачей.

Ах, так?!

— *«Ну а здесь, на земле – не хуже! Та же смерть – ясна и проста»,* — огрызнулся он.
— Вы мне еще жирафа нарисуйте! Изысканного!

Отвернулся рывком. Летучий Малыш непреднамеренно выводил отражение, от которого одновременно и дух захватило, и неловкость засвербила. Высокий, представительный, насупленный индивид в шикарнейшей, искрящейся бирюзой тройке звездного командира. Пожалуй, доброжелательное выражение карточке лица подойдет так же, как посеребренные отлеты и лацканы. И не мешает присовокупить флегматизма, пусть наигранного, спесивого, как личным примером учат уроженки Академии, истощавшие до зарезу, в отличие от него, вполне пропорционального и в общем-то для человека привлекательного.

Все это время его вежливо терпели, как он понял. Осознавая это, он все равно приберег центральные вопросы на эффектную, возможно мстительную кульминацию. Как пойдет хореография. Он ведь тоже терпит это «Лебединое озеро» ...

Кстати, фигурой из трех пальцев (вместо неформального, мирового сленга из трех букв) он согласился бы на возвышенное собеседование, если бы ему прямо не намекнули, что девочка с французским подтекстом – жива и отлично восстанавливается, по его примеру. Возможно, не *арт*чится, как некоторые при обезоруженной (на всякий пожарный) португее и ослепительной рубахе с самородными пуговицами, которым хотят открутить кумпол.

... — Где моя напарница? — недвусмысленно и грубовато спросил он в ответ на предложение подняться кое-куда и побеседовать. — Давайте только без дурацких, если начистоту, имитаций. Не похоже, если что. Не верю! Если понимаете, о чем я ...

Вопрос этот интересовал его даже больше, чем то, что случилось с Рейном, другом детства.

— Не имею полномочий, по долгу службы и по системе Станиславского, — ответила Темнеющая Дева, виновато глядя в него индейскими глазами, но явно ожидая продолжения праведного допроса.

— А по дружбе? Вне системы? — прямо спросил он. — Если, как говоришь, ты не враг?

Она опять воззрилась на пузатеньких своих карапузов, и они опять прилежно сбились с курса, как абитуриенты в ветреный сплав по геосфере. Все это слишком лихо напоминало информационную дезориентацию. Она действительно что-то утаивает в его интересах?

Очень мягко индейская скво дала понять, что коллега его отдыхает после перегрузок в живописных местах (уж не на Сириусе ли?), и больше говорить о ней она не может, даже в условиях наказуемой блокады эфира.

— Это твоя обитель? — он огляделся.

— Моя, — кивнула Дева спокойно, но обрадованно. — Не стесняйся, прошу.

Арт поднялся, поблагодарив, что не дали помереть с голоду после того, как чуть не уколошили.

Вид на окрестности был прекрасен, как и соседствующее творение, на которое не получалось сердиться вдолгую. Лаборатория, парившая над кромкой самых белых облаков на высотах спутника, сама собой настраивала на примиряющий философический быт. Земля, округло вылепленная из иссиня-снежной массы и дымных скопищ, плыла далеко в подножии, пространственно отодвигая от него необъяснимые странности жизни. Смуглянка что-то шепнула неясной, зыбкой панели цвета испуганного фантома, и то, что Арт мог видеть в окно, проявилось под ботинками. Очертания пола пропали. Само покрытие, естественно, осталось, но приобрело полнейшую прозрачность. Выхавший из ниоткуда поручень, прочная широкая бретель, вовремя скрыла настойчивые позывы потерять равновесие и растянуться в астрономическом реверансе.

— Выключить панораму? — улыбнулась Интелла.

— Оставь пока, — еле вымолвил Арт, налаживая дыхание от сверхъестественного блаженства.

— Что скажу: на башне слоновой кости глупцы не докучают...

Арт потрясенно повернулся к ней, поклоннице, как оказалось, еще и французского реализма. Опять *rougira pas*. Не мог не поддержать:

— Да и звезды светят – закачаешься.

Она кивнула.

— Объяснишь, что это был за Камелот с симуляцией? — полюбопытствовал он по-своему, вглядываясь под ноги. Затем аккуратно, слегка покачиваясь от откровенной высоты, перебрался назад к столешнице, после чего пол потускнел и обрел прежний непроницаемый вид.

— Но, Артур... симуляция в чистом виде на выходе из академической программы – это сказка. Симулятивные приемы – вполне допустимы...

— Как я, дурак, не догадался? — съязвил он. Вырвалось как-то. — В чем проявились эти кумулятивные приемы? Конкретно для меня?

— Не горячись. Тест – априори непредсказуемое явление. Симуляция в том, что вам пообещали Сириус за избиение. И в том, что нужно добить лежачего. Лежачую. И, само собой, в явлении угрожающих расправой голограмм.

Молчал он щедро. Что поделывать, молчалось...

— Поверь мне, — она мягко присела напротив, подалась вперед, стараясь заглянуть в самую глубь потрясенных мальчишеских зрачков, — такую симуляцию далеко не все выдерживают...

Он верил, охотно. Верилось. Но поддерживал политику затишья перед бурей из доброго принципа, что начатое дело нужно довести до логического совершенства. Или до исступления собеседника. Смотря по ситуации, в зависимости от пола, привычек, невротических предпосылок.

— Звездный командир, в нашем общем понимании, не может себе позволить сотворить то, что вам предложили.

Да ну? А на кой ляд тогда...? Ах да, симуляция... Он вздохнул:

— Откуда тебе знать, прости?

Она не обиделась, ответила:

— Я подчиняюсь Создателю.

Ясно. И печально. Всем известна благородная суть ее создателя, искренне жаль только безвременного канувшего в бессмертие пять лет назад... возможно даже, с субъективной помощью отпрыска рода *sancta simplicitas* [4. святая простота (лат. яз).], никак не *homo sapiens*. Ходила такая версия... слишком рьяно и упорно ее пытались найти и обезвредить. Антелла покинул этот мир, в том числе мир науки, и все его безумные порывы развеяны над планетар-

ной суетой, растворены в воздухе, и не найти им, непознанным, ни покоя, ни воплощения. Отыскивать их – все равно что ловить ветер...

— И что, с того времени никто не пытался тебя присвоить, внести коррективы, скользкие перепрошивки... сменить программу, обнулить тебя с целью мирового заговора? — спросил он сторожко, чтобы не нагнетать.

Она не усидела, подошла к оконцу, глянула вниз и вверх. Совсем как возмущенная духом персона. Словно ей больно было говорить. Или бессовестно неловко за окружающих, что очень возможно в их смутное время. У времени по жизни такие эффекты, когда оно имеет неосторожность пересекаться с повадками *sancta simplicitas*...

— Пытаться можно. Только... кто возьмется перепрошить Темную Материю?

Этот вопрос она задала ему прямо в лицо. В глазах ее сгустился космос, без дна и границ, без пятна и порока, неизменная основополагающая суть с неисполнимыми и такими доступными для человечества десятью заповедями. Он, похоже, и забыл, что нужно дышать. Сам ведь сказал: Темная Материя... Матерь – так, пожалуй...

— Я подчиняюсь Создателю, — повторила она. И ясно взглянула за границы иссякнущего вдруг над их головами полотна.

Челнок плыл на фоне неспешно обретавшего резкость диска Луны, с полным жизненной меланхолии антропоморфным ликом, смотревшимся на сей момент не в пример загадочнее, чем та же Джоконда, безмерно уважаемая в народе, но все же земная. А что если в непознанном взгляде Джоконды – *то самое*, им уловленное неземное равновесие? Занесло тебя, парень... Отчего же, да Винчи намного, да и надолго обошел современников и тем паче потомков. Как и Эйнштейн, Ньютон, Тесла, Менделеев, Гершель... Как и Антелла...

Неподалеку от застывшей, невесомо медитировавшей Луны горячо, вдохновенно храбрилась яркая точка. Венера, сейчас ее серебряная стража. Редкая Афродита с температурой преисподней. Солнце медленно, но неотвратимо повертывается, отходит за светлый ореол, нежное бело-сизоватое прикрытие, небесные краски меняются чуть не ежесекундно: долу – царственный пурпур на багровеющем покрове, а выше – пробирающая, особой густоты классика расшитого бисером мрака. Вот что значит в свежем прочтении – отправиться в ночное...

Арт взмок от восторга. Истинно, и звезды ярче, и никакие планетарные горлохваты сюда не дохрипят. Даже если подомнут под себя километровую вышку на Эвересте.

Кстати...

— Создатель, Начальник... Ты это имела в виду, когда читала Гумилева?

— Конечно, это, — улыбнулась она, — и разные иные приложения... какие ты имел в виду, когда читал Гумилева.

Она помедлила, с расстановкой вымолвила безрадостно:

— *Здесь товарищ над павшим тужит...*

Он неистово противился, автоматически терзая пуговицы, основательные как твердь земная, но она закончила:

— *И целует его в уста...*

— Не было такого, — Арт нахмурился, а коже лица своего мысленно приказал, чтобы не смела воспламеняться.

— Как скажешь, Артур Леннер...

Он поморщился: разные иные приложения выводили его из себя, качественно, добротнo. Профессионально даже. Цель, будьте добры?

— Объясни, будь добра, к чему все эти провокации с твоей стороны? Воплощения, сумасбродные аватары, трансфузии?

Он так спросил, чувствуя, что может себе это позволить после некоторых негласно одобренных в двустороннем формате, обоюдно пережитых эпизодов. И явно наметившегося литературного консенсуса, что, бесспорно, сближает.

— Позволь просить твоего извинения, Артур. Я тебя прошупывала, — нисколько не колеблясь, без тени смущения ответила Интелла. А после все же дрогнула, как девчонка, глянула чуть виновато. Интересная собеседница, весьма.

— И как оно? Нашупала? Приличное есть что-нибудь? Или так, мелочевка?

Она метнула темный взгляд укоризненно, не в пример целомудреннее, чем когда он изволил покоиться в ящике в обнуленном режиме.

— Я объясню. Ты спокоен, мой огненный гость?

— Как самое большое и безобидное Солнце, плазменная моя, — уверил он, припомнив весьма придурковатую аффирмацию от ведущих, сплошь психованных гениев психотренинга.

— Надолго зашедшее за земной диск, как сейчас, надеюсь?

— Зашедшее. За лунный. Да шучу я, шучу! — воскликнул он, увидев взлетевшие брови и энергичный фиолетовый прилив во все ее тело. — Прости, я тоже прошупывал. Имею право! Продолжаем разговор?

Она добродушно не согласилась:

— Ты достаточно остыл для этого? Протуберанцы позволят?

— Можешь не сомневаться. Теперь выдержу. Так по какому поводу досмотр? После высшей марки измывательства над парой выпускников...

— Я пыталась вызвать задвоенность.

Он опешил:

— То есть? Мою? Оправданную боевым званием шизофрению? Благодарю за доверие... — Глянул на свой китель. — Надо полагать, я изнашиваю тестовую версию больничного халата в каюту номер шесть?

— Шизофрения не есть расщепление, ведущее к гибели личности, хотя и то и другое в твоем случае недопустимо, — проговорила она снисходительно, убедившись, что он умолк и даже вникает. — Я пыталась вызвать иную задвоенность. Задвоенность реальности как ответ на твоё огненное сопротивление, Артур Леннер.

Ящерка. Милая сероватая рептилия шустро пронесется по столу в панике уловления. От неожиданности фигура в кителе с искрой охает, вскидывается, всплескивает белоснежными манжетами, едва не задев давно охладевшую чашку в горюх, слегка шипит, словно подзабыв продолжение шипящей. Или понятия, или еще какого сложного деепричастного оборота.

Но ящерка истерит сильнее, мечется, исчезает за гранью стола, отрывается в безусловном хотении избежать неприятностей на свою заднюю конечность, но пола не достигает. Исчезает, не долетев.

Следом появляется иная, такая же юркая, мелкая. Гибко повторяет маневр и способ отхода в никуда. Единственное, что белым манжетам удается запомнить – раздвоенный хвостик.

— В мире животных? И? Смысл вашей голографии?

— Луговая ящерица, — терпеливо проговорила Интелла. — *Darevskia praticola*. Прости за импрессию, нужно было тебя слегка встряхнуть, обеспечить ясность сознания.

И трясали его сегодня, и обеспечивали, и прошупывали, и истязали девичьей красой (неоднократно), и поджигали, как оказалось, и даже наращивали. Остается скинуть обалдевшее тело на упругий облачный фронт, столпившийся внизу, для полного соответствия внешним ожиданиям.

Внутренность ее загорелась акватическим пламенем в тонах тепло освещенного Нептуна, отблеск поднялся на уровень сердца. Он откровенно прищурился на откровенное заморачивание:

— Это ты разговаривала со мной через «болвана» на... — губы его сжались, —... на с-симуляции?

— Нет, не я.

Само собой, не она. Там с ним разговаривал деструктивный идиот. Или сертифицированная идиотесса, прошедшая специальный многоступенчатый отбор после обучения. Или тетка из деканата, злющая из принципа хронического недоедания. Или какого недосыпания, что тоже ничего хорошего для окружающих.

— Отчего ты вообще со мной возишься? К чему это все?

— Ты ценишь красоту. И такой неизмеримый, неизменный парадокс как человеческая жизнь. И достоинство, — бездонные глаза отразили Луну, а заодно и Венеру со всеми знойными ее пороками.

— Да ну?

Она опять помедлила, пока очередной комок ярости смягчится.

— Что значит для тебя человеческая жизнь, беспредельная моя? — спросил комок незлобиво. Так, словно взаправду жаждал знать.

— Помысли... Отчего я избрала именно *человеческую* оболочку? Меня ведь создали идеально пластичной ...

На столе перед ним, сверкая аметистовым взглядом, покоилась ящерица. Не совсем только *Darevskia praticola*, если быть честным, целый варан, малый буроватый комодский дракон с долгим желтым раздвоенным языком. А там, где заканчивался броненосный хвост с эффектно мощными панцирными выступами, и еще чуть вправо, не значилось больше никакой любительницы Флобера.

Секунду ему дали на изумление. Не успел он шевельнуть пальцами, как эндемик моргнул, сгустился, метнулся вбок хвостатой кометой, рассыпался на плавающие, мерцающие, пульсирующие округлые пазлы, медленно сходящиеся в плотное, но явственно просматриваемое, бурлившее неведанной мощью мглистое полотно. Буквально – тончайшая ткань бытия, способная соткать все, что угодно душе, но прихотью ее интеллекта (или души?) обращающаяся сейчас в изящную индейскую Темнеющую Деву исключительной миловидности, именем Интелла. Которая в силу каких-то неведомых, нерасшифрованных еще причин, а скорее причуд, трепетно относится к Создателю и к такой неверной субстанции как род человеческий, затерянный среди звезд на третьей планете системы желтого карлика класса G2V внутреннего края рукава Ориона, в галактике Млечного Пути...

Глава 4. Ночь нежна

«Ну, хорошо! Допустим! Парадокс Вигнера? Квантовая суперпозиция? Об этом речь? И, прости за нескромность, при чем тут я, если мы говорим о двойной реальности?».

Арт вздрогнул, открыл глаза, услышав в памяти, словно в ушах, собственное недоумение.

Светлая башня покоилась в объятиях воздуха, насквозь пропитанного мраком, но полностью беззлобного, усеянного крохотными алмазными брызгами щедро и беспредельно. Ночь не просто падала сверху и рвалась прибоем в окна, она отчетливо стояла внутри, рядом с кушеткой, дирижировала тенями на стенах и потолке, при полной имитации созвездий небосклона точечными бродячими светильниками.

Снаружи разгорался фантастический парад планет. Не все присутствовали, но у Плутона и Меркурия причина более чем уважительная, Афродита уже откланялась, Сатурн кольцевал где-то на подходе, а вот Марс с Юпитером роскошествовали в глубинах полувечной ночи, беззвучия и невидимой Темной Материи, заботливая частица коей уложила притомившегося

туриста соснуть, прямо на геосинхронной орбите высотой в 595 километров. Чтобы хотя бы до завтра оградить жертву симуляции от объяснений с теми, кто остался на Земле.

Постель необычно мерцала, лежанка была стандартной на вид, но мягкой и удобной. Подушка набита какими-то фиалками, шепчущими что-то удивительно успокоительное. Не успев ничего отшептать в ответ, лишь слабо подивившись Ориону, нарисовавшемуся прямо под потолком, он впал в сновидение, искренне приятное, но после отказавшееся всплывать в памяти. Не было мечей и пожарищ, пыли и побоища, не было сухопарых преподавательниц на грозных шпильках и безликих приставучих граммофонов. Не было и изумрудных глаз... вроде... они бы запомнились. А вот что было – забыто... Фиалки знали свое дело. Арт взбил подушку и вновь опустил думы на душистое фито-лоно.

Хозяйки башни рядом не наблюдалось, она вроде вышла в примыкающее помещение, воспользовавшись тусклым дверным силуэтом модели «гофре», и чем занималась (в смысле, что читала) по ночной поре под прикрытием сияющих мириад – неизвестно. Возможно, отступивала во вселенский эфир через Хаббл и компанию ностальгическое «Где ты, Сын неба?» ... Арт слегка улыбнулся. Голова уже посвежела, трезвость мысли и куртуазность поведения присутствовали в полном диапазоне.

Та сказка на ночь – о задвоенной реальности – возникла в освобожденном фиалками сознании. Не то чтобы парадокс Вигнера или квантовая суперпозиция в чистом виде – так сказала она. И начала опять про своих ящерич, оставляющих хвостики без присмотра. А желающих их прибрать к своим рукам – грустная математическая бесконечность. Только в ответ на присвоение оног кем-либо из убогих *sancta simplicitas* обиженная малютка может и дать сдачи, выкинуть фортель, в смысле отращенного шлейфа. А Луговые виды умудряются в сопротивление злу и сохранить остаток старого, и приобрести новый. Два, таким образом, экземпляра выходит, раздвоение... чтобы в следующий раз двуногий бандит помучился, определяясь, за какое из двух окончаний следует знакомиться с рептилией, что жутко ему понравилась, а она тем временем возьмет ноги в руки и – бывайте, юные натуралисты... Математически такое уравнение способно привести к седому потрясению: один минус один равняется паре единиц...

Далее... Далее было еще интереснее. Они перешли к просмотру ненавистой «симуляции». Не всей, по счастью. Вниманию подлежал лишь хвостик видеозаписи, и Арту так хотелось, чтобы он тоже куда-нибудь отвалился...

— Ничего не помню после того, как отключился.

— Не помнишь, как спасал напарницу?

— Я???

Вот таких штрихов не припоминалось, даже смутно, даже если сильно озадачить ретроградное воображение. Хотя... Дымное алое пламя выше потолка и грандиозное обрушение в стиле вестерна. Сажа кучевыми облаками и седой пепел, художественно припорашивающий голову как снег вместе с горячей прямо в полете ветошью. Что-то жарко задевало макушку и уши, словно крылья пылающего Феникса. Они оба самозабвенно кашляли, как в игре на спор, пока наконец она не проиграла в его пользу, отключившись в дыму. Кажется, что-то вскользь прилетело ему по темечку. Хорошо, не отринутая скалка для лепки древних пельменей, та приголубила бы железно. Суфлер, набитый интеллектами или кем-то еще, молчал, пребывая в шоковой прокрастинации. Сам он пятился на коленях, разгребая кормой щебень, как ледокол, пригибаясь к нижнему грязному слою, где, возможно, сохранялся еще обогащенный мусором кислород, и тянул ее за подмышки до последнего. Последним значилось еще одно обрушение, переплюнувшее первое по большинству показателей. Темнота. По определению – друг молодежи.

— Ну и... за каким, спрашивается?

Это было все, что его интересовало. Другие вопросы не имели смысла.

Ответ весьма удивил. Ему объяснили, сопровождая слова ясным темным взглядом с сиреневыми проблесками, что пожар, тем более обрушения – сценаристом запланированы не были. Живописный утиль «под старину», труха, отесанные дубины вдоль бастионов из бросового материала, Камелот, видимый в особой перспективе и далеко не каждым – только это соответствовало программе, одобренной министерством. А пожар вызвало «пламенеющее сопротивление» одного курсанта, и ведущими экспертами это расценено как элемент генерации задвоенной реальности.

— Элемент? — Арт анализировал хрипло, смутно, в голове плавала какая-то бледная пыльно-пепельная чепуха с разводами, и производили они невообразимую анархию, мать беспорядка.

— Элемент квантовой метафизики, — объяснила Интелла, вглядываясь в его изумление. — Творение задвоенной реальности человеком – прецедент необычайно редкостный, следовательно, неизученный. Тебе известно, как физикам XXI века удалось спасти знаменитого кота Шредингера?

Он кивнул. Разумеется, известно. Шерстяного беднягу помещали (теоретически, конечно, но кому от этого легче?) в коробку с ядом, который высвобождало радиоактивное вещество посредством квантовых фокусов. История гласит, что атом в коробке одновременно и распался, и не распался, оставив усатого волонтера пребывать между жизнью и смертью, в лучших традициях науки и техники. Общественность лютовала в пользу кота, и позже нашлись гринписовцы, боевым строем отвоевавшие способы спасения мурлыки, и благодарить следовало именно двойную реальность. Мурлыка, скорее всего, так и поступил, предварительно отомстив гнусным теоретикам прямо в коробку, от пережитой квантовой неопределенности и от души. То были занимательные теории, как говорится, не более.

— Так вот, пока историей описан, и то не совершенным образом (за досадным отсутствием писателей) единичный случай задвоенности, миновавший теоретические рубежи.

Арт глазел в глубины ультрафиолета, не моргая:

— Надеюсь, это был не кот? Хотя я бы уже не удивился...

— Не кот. Парадокс задвоенности в том, что она возникает как демарш против того, что невозможно. Потому я и показала тебе ящерицу. Хвост отрастает в ответ на грубое вторжение. В отчаянных обстоятельствах словно бы открывается дверь, которой нет. Врата исхода, спасения, восстановления.

— Интересно. И куда открылись эти врата в тот самый единичный раз?

Она необычайно покойно и глубоко всматривалась в него:

— В тот самый раз несуществующую дверь открыл Леонар Тенар, он же Антелла, имя которого я взяла себе в производные. Тогда он создал меня, плазменный архетип аксионов и нейтрино, сосуществующих с родом WIMP. Кстати, темная материя сама по себе может представлять элементарную параллельную Вселенную, где действуют похожие физические законы, но с другими частицами и силами.

Восприняв аббревиатуру, Арт принялся ее расшифровывать, машинально, от научного потрясения. Слабодействующие массивные частицы интересовали его вкупе со всей маловнятной теорией темной материи, увесистыми изданиями наводнявшими его комнату в роли настольного приложения к бытию, почти такого же значения, как исчитанная, в потертом переплете версия «Мастера и Маргариты». Дедов экземпляр, наследство, семейное достояние, 1992 года выпуска.

— Невидима и свободна, — молвила она, и он вновь почти перестал дышать, — такой я создана. Не Антеллой, заметь, а изначально. Антелла нашел способ, как обеспечить мне разумную оболочку в видимой и невидимой ипостаси. Свободную от всяческого разрушения и искривления.

Темнеющая Дева последовательно растворялась в ночном свете в башне меж звезд. Исчезали сполохи, благородные фиолетовые вихри, мглистые волны, не имеющие дна глаза, губы с недосказанностью Джоконды, алая россыпь кристаллов вместе с браслетами.

Когда от нее не осталось ничего, кроме голоса, темнота проговорила:

— И главное. Вчера ты создал иную реальность в ответ на возмущившие тебя требования. Ты не выполнил их условия, и ты выиграл поединок. Ты – победил.

Окружение блистающего великолепия, вземное, надпланетное торжество света и сумерек – все это так впечатляет, лучшим образом не дает скатиться в посредственность.

Победитель, лежа в совершенном одиночестве под сенью звездного купола, пялил взор на Кассиопею, доискиваясь у нее, весьма со всех сторон просвещенной, до сути главного вопроса: как ему сподобилось забыться невиннейшим сном сразу после обретения статуса триумфатора? Кассиопея, похоже, знала многое, но не все. Интелла отсутствовала, будить ее не хотелось, слишком много сил положила WIMP-собеседница, не совсем последовательно выступая в роли укротительницы огня. Вземной интеллект все же стоит периодически жалеть.

От смутной гелевой панели, висевшей над столом словно в отдельно взятой невесомости, метнулся вдруг пламенный вестник, плотной каплей, сгустком оживляющего неона канул в аккуратно оттопыренное ушко телескопа. Аппарат, имевший неизвестное Арту название «Atilea», повел антенной, как бы пробуждаясь, беззлобно загудел в тембре виолончели, совсем как «портной», снабдивший победителя эксклюзивной формой супергероя. Арт смотрел и слушал с сонной бесстрастностью: не иначе, великана запрограммировали на плановые наблюдения.

Увертюра смолкла, воспрянувший механизм заработал беззвучно, Арт видел, как кружатся настроечные плоскости, сверхтонкие линзы подстраиваются в тон полученной команде. Машина слегка колебалась, поворачиваясь, перестраивая расположение деталей, играя ими, как дитя конструктором. И все-таки дыхание у Арта слегка сперло, как справедливо выразился баснописец, скорее всего испытавший нечто подобное, когда объектив довольно прилично вытянулся чернеющим хоботком. Прямым к его лежанке, очевиднейшим образом приглашая к просмотру чего-то явно потугостороннего, захватывающего, пока никто не заметил и не вклеил выговор.

Арт подумал вежливо, как и всякий воспитанный человек на грани выпуска из академии, что это чистой воды космическое совпадение. Нечеловеческий фактор. Аппарат мило перепутал его с хозяйкой, предоставившей ему самое почетное место и коротавшей ночь где-то в кельюшке. По какому типу произошло аппаратное заблуждение, сказать сложно, поскольку исходные параметры сущностей никак не совпадали, хотя бы в плане внешних достоинств, роста, обхвата талии, обхвата выше и ниже талии и прочих нюансов, не считая IQ, без претензий на превосходство.

Хоботок терпеливо подождал и, воспроизводя привычное жужжание, внушительно продвинулся, как бы намекая, что в следующий раз конечной точкой станет оторопевшая глазница несговорчивого гостя.

Не нужно отличаться умом и сообразительностью, чтобы понять, что «Atilea» приготовилась транслировать нечто, уже появившееся расплывчатым фокусом в глазке гигантской призмы. В смысле, здесь, наверное, так принято: путешественникам предоставляют все возможные бонусы, от парада планет с маковыми бубликами до иссушенной флоры в подушках и улетных зрелищ в объективе. А потом – его ведь позвали, прямо сквозь линзу с набиравшей резкость картинкой. Позвали по имени.

У Арта восстали волосы на предплечьях под футболкой, когда он услышал несшийся неведомо откуда (никак не из смежного помещения) бесплотный, но дивно живой шепот. Неведомый голос выдохнул его имя и опал, рассыпался на эхо, произведшее самые доброкачествен-

ные мурашки. В голове проскочила идея, что аппарат все это время подслушивал их беседу (непреднамеренно, исключительно как предмет интерьера), и таким особо персональным образом проявляет истинно небесное радушие.

Честно говоря, боязно стало, что сейчас, откуда ни возьмись, вылезет какая-нибудь хвостатая задвоенность реальности или личности и даст жару и ему, и всем, кто напророчился... какая-нить биполярная консистенция, заскучавшая в неведомом...

Отвергнув боязнь под предлогом того, что здесь – точно не палата номер шесть, хоть всем известно его имя, он встал и приткнулся к глазку, который услужливо поднялся и тонко маневрировал, избегая возможности угостить гостя синяком во все зрение.

Глава 5. Одним глазком, туда и обратно

Отчего-то совсем не чувствовалось, что он стоит в парящей башне подле телескопа, осененный задумчивой Кассиопеей.

Напротив, слегка озадачивала горизонтальная позиция, песок под руками. Слежавшийся от времени и космических температур, мелкий, холодеющий, как бывает в прохладе ночи, шуршащий песок. Совершенно неосознанно он повел руками вдоль тела, чертя пальцами и локтями что-то вроде крыльев бабочки или ангела. И когда руки вернулись назад, а потом медленно приняли распятое, распростертое по сторонам положение, опомнился и всерьез уверовал, что это уж точно симуляция.

По обеим сторонам тянулась тускло-песчаная пустыня цвета затененного, поблекшего золота. Дышалось почему-то не вполне вольно, видимо, от неожиданности, или лежащее положение было не совсем ловким. Провалился в сон у телескопа? Или это – хвост ящерицы, который следует неведомо как отщипнуть?

Кисти сжались как ковши экскаватора, пальцы ощутили сыроватую плотную поверхность, сминающуюся под силой проникновения, крошившуюся в самый обычный песок. Почему-то не имея власти встать или перевернуться, он зачерпнул горсть и оторвал руку – удостовериться, что это действительно мелкая субстанция, уже начавшая выветриваться между пальцами. Вовремя одумался, поняв, что благополучно запорошит себе глаза, ставшие самым активным органом на сей миг. Рука бухнулась справа от тела, увесисто-мускулистая, странно налитая. В любом случае, он уверен, что в данный момент это вовсе не земной субстрат, и бледная пустошь – явно неземного дизайна. Симуляцией, если откровенно, больше не пахнет, а дышать становится все тяжелее. Расширив грудную клетку, он одним движением выпрямил шею и слегка отвел назад голову. И замер.

Высоко-высоко над ним спали чьи-то глаза, по тону плотно прикрытые веки походили на окружающий песок, с более сгущенным желтоватым отливом, возможно, из-за восходившего неизвестного светила, отрешенно обеспечивавшего какое-никакое ночное благоустройство. Резкости в собственном взгляде Арту отчего-то не хватало, словно на него надели линзы с особой кривизной, он не разбирал ни лица, маячившего над пустыней, ни сопровождающего, положенного всем лицам туловища. Одни огромные, продолговатые, словно выдолбленные в камне глаза, которые, словно опомнившись и почувствовав его внимание, весьма медленно раскрылись.

«Поднимите мне веки», — нейтрально пронеслось в голове... не пристало поминать такое всуе... и закончится ли этот морок, если посоветовать ему «сгинь»?

Зрачки, висевшие без соседства лица и тела в манере улыбки Чеширского кота в паре миль от него (по предварительным ощущениям), почти не отличались по восприятию от того, что он уже приметил. Светло-бежевые, чуть озаренные плывшим мимо желтым карликом, который, похоже, начал палить интенсивнее, обогревая огромные, словно ослепшие зрачки, в конце концов загоревшиеся огнем силы полуденного солнца. Похоже, но отнюдь не слепяще,

подумал Арт отрешенно. И не дрогнул, не похолодел, вдруг осознав со всей ответственностью, что мимолетный карлик тут не при чем, и глаза сияют исключительно изнутри своей сути и по своей же прихоти.

Весьма уместным было встать, отряхнуться и учтиво наладить партнерские связи, как он умел. Объяснить если не межгалактическим Интерлангом, то хотя бы пристойным языком тела, что он не при делах, не командирован, заброшен сюда, в приятной консистенции пески случайно, по шалости аппаратуры, ничего не имея предосудительного за душой. Возможно, попал не туда, даже без оружия и намерения завоевать этот покрытый барханами дивный мир. На первооткрывателе, видно без оптики, лишь безобидная геральдическая майка о скромных рукавах и нечто смахивающее на шорты туриста, но не шорты. Остальное, в том числе удостоверяющие документы, осталось в багаже, а багаж остался на Земле. А Земля – в рукаве Ориона... как-то так...

Голова легонько покруживалась, и лежачее положение не спасало от плавной круговерти в разуме. Дыхание плотно перехватывало, встать не получалось, руки шевелились слабо, а проверить наличие ног даже мысль не пришла. Приковав взгляд к нарастающему сиянию глазам, он наивно щурился, скорее всего, с «открытым забралом». Не хватало воздуха, что скрывать. Сложно предположить, что может произойти, чисто теоретически, да и технически, после того, как вышние глаза найдут его.

Они нашли. Причем резко и сразу, набрав достаточно мощи, и тогда к ярко-солнечному великолепию прибавилось торжество оранжа, вначале тусклое, перешедшее в неистовую лазерную феерию. Цвет молнирующей фуксии выражал то ли жгучую ярость, то ли вспыхнувшее удивление, то ли нечто иное, жарко непостижимое. Кто что узрит, опять же как на оригинале Джоконды. Констатировав, что эта почтенная синьора слишком впиалась в его мышление, и порядком обомлев от зрелища, Арт отчаянно кашлянул, в знак бессилия и самых добрых намерений.

Непонятнее всего было то, что глаза, кажется, еще и приблизились. Оцепенев от оптической иллюзии, Арт не моргал под накрывающей промораживающей чернотой, видя только лучистый глянец гигантских зрачков. Что-то их затуманило, быть может, испарение, сумеречная кисейная дымка, ведь наличие атмосферы было очевидным. Он кашлянул еще раз, легкие вздумали сопротивляться.

Пылающие неизвестностью прожекторы расплывались миражом, и рядом проступил вдруг темнеющий озабоченный взор, очень напоминавший человеческий, без лазера и солнечных дополнений. Арт узнал Интеллу, но не успел обрадоваться.

Все кончилось вдруг, без прощаний. Вздымая грудь, как хлюпик на турнике, шумно заглатывая воздух, он отпрянул от телескопа, задев круглую затворку, умудрившись сдернуть ее с цепочки. Пришлось нырнуть под стол, в суперпозиции вредителя нашаривая эбонитовую створку на чернеющем полу, чувствуя себя детективом в поисках очерненного кота Шредингера в одноименной коробке.

Ахнула боковая дверь «гофре», пропуская отчетливо встревоженное существо, переливавшееся сполохами наподобие... К сожалению, аналогий не нашлось, выходило просто восхитительно.

Блистающая смуглая леди, растерявшая природную индейскую невозмутимость, моментально оказалась у стола, к ножке которого привалился Арт. Стройные бушующие восходящей радугой ноги остановились.

— Никого не трогаю, починяю телескопы, — попробовал отшутиться Арт, до неприличия дрожащей рукой протягивая увертливую заслонку. И прав был, поскольку его личная роль в произошедшем внезапном инциденте была отнюдь не ведущей.

— Очень, очень хороший студент, — в тон ему ответила Темнеющая Дева, присела рядом, взъерошила ему волосы, взгляделась в зрачки. Так участливая тренерша после марафона проверяет, жив ли ее горе-марафонец. Этот, скорее, был жив. Даже блаженно светился остаточным лазером, как добропорядочное небесное существо.

— *Ангел лег у края небосклона.*

Наклонившись, удивлялся безднам.

Новый мир был синим и беззвездным.

Ад молчал, не слышалось ни стога...

— Ангел? — только и сподобился сказать он. — Откуда...

Пропев сии строки, она протянула тонкую руку, помогла ему встать. Он поднялся и только тут понял, что с ним произошло. Во-первых, трансгалактическая (по-видимому) переброска посредством телескопа. Телескопа ли? Во-вторых, Интелле как-то наблюдала его нехитрые попытки изобразить ангела, прикованного к персти земной.

В-третьих, из-под стола его выудила Темная Материя, и он ощущал ее теплые, гибкие пальцы, что было уж слишком на сегодня, даже с учетом безумного вчера.

Ночь, поднебесье, Земля в иллюминаторе, космическая музыка, отсутствие естественного света при наличии переливающегося женского силуэта. Риск и мужество – в ассортименте. И фарфоровая чашечка отличнейшей Арабики с каплей бальзама, повышающего самооценку с каждым глотком. От десерта с серотонином он деликатно отказался, хозяйка ну очень настаивала.

— Стало быть, это не телескоп? — попытожил он, кивая на слегка смущенный хоботок, добросовестно прикрытый затворкой без права повторной инициативы.

— Это – не только телескоп, — подтвердила она, удивительным образом составляя ему компанию, отпивая из тончайшего полупрозрачного бокала что-то едва видимое, эфемерное. Какое-то WIMP-успокоительное, с повышенным содержанием нейтрино, надо полагать.

— И куда эта, — он повернулся к машине, уточняя название, — «Atilea» меня депортировала?

Она колебалась, что весьма его восхитило. Тайны, покрытые мраком – это так бодрит. Особенно когда напропалую шалишь в поднебесье, с подачи Основы мироздания...

— Скажем так, — она взглядывалась в него, слегка откинув голову, совсем как земная девчонка, оценивающая возможности того, кого опрометчиво занесло в ее присутствие, — это моя платформа для исследований и наблюдений. Долгосрочный проект. Тебя интересуют координаты, адрес? Карликовая галактика в Драконе, спутнике Млечного Пути, звездная система Пифона в северо-восточном рукаве. Вполне тихая, хотя и таинственная. Или иначе: таинственная, потому и тихая.

Молчание.

— А планета?

— Планета весьма примечательная, — чуть не по слогам сказала она, поднявшись. Подошла к окну, всмотрелась в Юпитер, покидавший уже небосклон, разворачиваясь и пропадая в ночи, одаривая поклонников последними редкостными кадрами.

— Чем примечательная? — осторожно не отставал Арт. Ну не мог он уснуть, не узнав. — Интелла!

Она быстро улыбнулась:

— Хотя бы тем, Артур, что сегодня она не должна быть там, где появилась. Это планета-фантом. Периодичность ее появления указывает на то, что ее либо сознательно скрывают, либо она принадлежит к тем экзопланетам, которые самостоятельно гасят собственную инерцию, пропадая с гравитационных карт. Либо...

Опять пауза. Движение по требованию?

— Либо?

— Либо она, как Летучий Голландец, курсирует между галактиками или даже вселенными, используя врата и рельсы темной материи.

Он помолчал, глотнул кофе, чуть не ожегши язык.

— Как ты увидела, что я... это самое, уехал по рельсам?

— Услышала твой кашель, — уклончиво отозвалась она, после чего он выпалил:

— Скажи откровенно, Телла, это ты меня туда отправила?

Часть 2. Все как всегда

Глава 1. Раздвоение личностей и короли шантажа

Цветущие деревья возносили листву к разгоряченным солнечным вихрям, величались кудрявыми кронами и монохромом соцветий, непредумышленно дурманили курсантские будни, всплывая вместе с маем в распахнутые окна аудиторий, где корпят те, кому не довелось пока оценить прелести такого легендарного средства сбоя мировоззрения как итоговая симуляция.

Интересно, если сравнить подшефным пару выпускных страшилок (о последующем наращивании волос, к примеру) – несчастные закончат текущую пару, не сгинув безвозвратно в санузле по семейным обстоятельствам? «А ты сам-то, — подумалось Арту, — неужто слинял бы по утрашению?». Так и страшали ведь, и траурный бестселлер совали в физиономию каждый добрый понедельник, и все равно... И вишням все равно. Нектар плывет себе по округе...

Спускаясь в шаттле, Арт глядел на разрастающиеся по мере приближения, усыпанные коралловой пудрой ветви, и утверждался в мысли, что здесь, на Земле, действительно «не хуже», в хорошем смысле. В космосе такое не вырастить. На том песчаном филиале – и подавно. В связи с чем настораживает наличие зачатков атмосферы в тамошней глуши – дышалось ведь, худо-бедно...

Он направлялся поступью протее, коему неслышанно повезло с покровителем. Иначе говоря, нечаянный чемпион нисходил с высот заоблачных для встречи с куратором. Не слишком жаждал оной в нерассеянном еще дыму грянувших расстройств, но в любом случае страничку сию нужно перелистывать, закрыв глаза на неосвоенный текст с белыми пятнами.

Легко догадаться, что вот-вот решится его судьба и определится назначение, и, судя по щегольскому его снаряжению, вряд ли ему предложат пояс Койпера. Побуждение во что бы то ни стало обнаружить прекрасную незнакомку (по сути, им спасенную и побежденную), детектируя все существующие академии, исключительно для долгосрочных перспектив, не в обиду клубу Джи, перебивало всю деловую подоплеку. Арта реально раздваивало.

Еще героя слегка искрило в плане возмездия. Провожая его на Землю, Интелла без тени шутки попросила:

— Авессалом, Авессалом... оставь Моби Дика в покое. Послушай старших...

Он глянул снисходительно, но, заметив четкое предупреждение на темном лице, приметным образом согласился. Напоследок спросил:

— Телла... Почему – индейская дева?

— Народ, уходящий в забвение, достоин доброй памяти.

Этот ответ он переваривал, спускаясь в Малыше навстречу судьбе.

Точнее, он спускался навстречу Моби Дику, не зная его наружности (теток в деканате хватает, как и прочего добра), заочно презирая всеми возможными способами контакта. Слишком презирая для того, чтобы уподобляться одноногому мореходу и угрожать жизнь на погоню с эффектным, но безвременным обоюдным уходом. Погребение с морским успокоением не входит в его планы. Любопытно и показательно все же: у одних – башня из слоновой кости, у других – протез из аналогичных материалов...

— Будем послушны старшим, — подчеркнул он вслух, пожимая плечами собственному отражению, а Малыш, словно уловив его интонации, одобряюще восшумел двигателями. До Арта дошло.

— Познакомимся? — предложил он, крутя головой, и услышал приветственную тираду в исполнении удивительно детского голоса.

— Вам напутствие от Интеллы, молодой человек, — старательно пролепетал Малыш, словно прочел заученное стихотворение на утреннике, забавно имитируя детские логопедические ошибки, игнорируя сонорный «л». — Ваше персональное кольцо синхронизации вам передадут внизу.

Пока они спускались, Арт забавлялся тем, что вопрошал, какую литературу Малыш предпочитает: с картинками или без. Малыш отвечал нелепицей в трогательном малышовом духе. Выходя, Арт искренне откланялся, поблагодарил за доставку, передал привет Интелле и напоследок поинтересовался, с чьей подачи опробована умиляющая «я-концепция» дитяти. Послушным лепетом Малыш поведал, что настроен на биотоки одного приятного обхождением паренька, кому он собрался подражать, если вырастет. Далее последовали все параметры протеза в лифте, вплоть до размера одежды и обуви, нулевых предпочтений в искусстве икебаны, благодарностей в зачетке и жилья на пятнадцатом этаже.

До Арта вновь дошло, пусть и не сразу. Пришлось уточнить:

— То есть, если бы я воспринял тебя как королеву Марго...

Малыш залился счастливым дитячьим смехом, перешедшим в чистейший акцент гражданки Лувра соответствующей эпохи. Намекнул, что Марго с ним не прощается (что Арт воспринял весьма благосклонно) и отлетел восвояси на свое седьмое небо. Вояж-вояж...

В пустом холле Академии маялся дерзкий гастрономический аппаратишка, летавший рассеянно по корпусу в поисках потерявших бдительность курсантов. Вымогатель мелочи, если откровенно. Вечно у него то сливки забродили, то сыр в бутерброде второй свежести, вместо говядины в салате бородинский хлебушек, а пластиковые стаканчики током бьются.

В народе громовержца не любили, его это травмировало, и с преподавательским составом он вел себя не в пример честнее и вкуснее, выступая уже в роли предприимчивого Гермеса со «свежезапеленгованным фастфудом». Открытое сословное неравенство, или как это понимать? Замечены были и случаи распродажи паленого травяного чая не иначе как «от курсантского мужеского достоинства». Арт самолично слышал сию ересь от хронических дуралеев, отведавших пошла. Один богатенький второгодник, кандидат на вылет, попивал такой чаек, пил и удивлялся систематическим расстройством... Разочарованная академическая шушера давно разыскивала торговца плацебо, группируясь в стаю для мщения, но он интеллигентно увивал от разборок, используя встроенный локатор. «Воланда на тебя нету», — честно прочили Гермесу пострадавшие от второй свежести. Хапуга незнакомого имени боялся, но статус не менял из страсти к личному обогащению. Финансовый вопрос испортил его...

Посему, едва инсинуатор подкатил к Арту, тот, не раздумывая, запятнал достоинство мундира, показавши кукиш. Кулинар замигал рекламой очередной химической отравы, потащился следом, причитая, что «господину курсанту попросили кое-чего передать, бесплатно», а не то его «заменят готовым конкурентом».

— Смотри у меня, спекулянт, гомеопат. Свалка недалеко, я ведь могу и договориться, — предупреждая изрек Арт и получил из лап подобострастного чудовища серый запечатанный пакет. Вскрыл его, отвернувшись, так как вымогатель имел моду подглядывать с целью шантажа. В пакете значился его лимб, прибор синхронизации. Арт с удовольствием украсил им палец. Прирос к нему с отрочества, как говорится.

Удобная вещица, позволяет скоротать проволочки, связанные с лишней болтологией. То, что партнер позволит, можно узнать моментально, без занудных переспросов. Особенно поле-

зен для учебы, если, разумеется, лектор соблаговолит поделиться интеллектуальной собственностью, нажитой непосильным трудом. Но сейчас... не особо хочется передавать в эфир даже вопиющую немоту, и он в своем праве. На ноль его поставить, на убедительный ноль.

Летучий ларек неотвязно продолжал приставания по поводу «Господин курсант изволят чего-нибудь выпить или наоборот?». Арт одарил ресторатора уничтожительной улыбкой и гордо проследовал мимо. Завтраком его накормили – дай небо всем такие завтраки.

Привычно тронув кольцо большим пальцем, приостановился – мелкая «родинка», впаянная в металл, рядом с сенсорами, взявшаяся из ниоткуда. Отшив любознательного, провонявшего позеленевшей ветчиной коробейника с глаз долой, из сердца вон, Арт исследовал нарощение, оказавшееся алым, скрупулезно ограненным бугорком – из лимитированной серии, что украшает запястья Заклинательницы Дождя. Вопрос не в том, для чего его впаяли; в принципе, все понятно: некие бонусы, двери в шальное неведомое... Вопрос иной: отчего он не сразу заметил это пятнышко, отнюдь не невидимое? Ответа не было, придется допросить хозяйку инновации, когда по его душе вернется незабвенная королева Марго... Обещала...

Готовый к любым парадоксам судьбы, он добрался, куда позвали, «через дымный луг, и хмурый лес, и угрожающее море». «Благословений пречистых небес, и держи себя в руках», — донеслось до него.

Он вздрогнул внутренне. Волновое покрытие его колечка – метров десять, в идеале пятьдесят, если идеал этот подкреплен внешним усилителем. Дева Поднебесная проживала, по меньшей мере, километрах в пятистах по строгой вертикали, а если в метрах – неизмеримо больше, сумасшедшие цифры, конкретно – замучишься считать шагами. Если только она не прибыла сюда в качестве протектора, спустившись окольными темными магистралями.

У входа в аудиторию под зловещей, наводящей на подозрения табличкой «Экспериментальная лаборатория №111», Арт слегка помедлил. Но, полагая, что любители экспериментов могут за ним приглядывать, и негоже являть кому ни попадя истинное свое благодушие, тихонько притушил прослушку мыслей на допустимый минимум, до уровня «Здравствуйте, я ваша тетя» и вдохнул поглубже, дабы изо всех сил и средств поприветствовать того, кто засел в засаде.

Он внес себя в раскрытую дверь, откуда несло прохладной неизвестностью и неустановленной парфюмерией. Взгляд моментально запеленговал собеседника, путавшего следы ароматом сложносочиненной консистенции.

«Я помню чудное мгновенье»... Деметра. Профессорша по квантовым и иным научным извращениям и еще по мелочи. Естественно, несвязанная узами брака, в силу необузданной страсти к высоким и привлекательным наукам. Притаилась под стать вычурной эпической инсталляции: Великий Командор в натуральную величину гоняет сумрачных бестий с Альдебарана, и она тут как тут...

Именно Арт еще на первом курсе стал автором отчаянного, чреватого опалой куплета «Деметра, поди до ветру...». Правда, он охотно проспрыгал бы ее Персефоной или еще какой Палладой без страха и упрека, но первая рифма ведь самая верная...

Не сказать, чтобы Деметра слишком доставала «непропорционально взрослеющих светочей». Вовсе нет, была лишь непомерно требовательна, как и все, вызывающе придиричива, как подавляющее меньшинство, напрашивалась на комплименты, как богиня и по совместительству – деканатская стерва. Вот, вкратце, и весь диагноз.

Их группа на четвертом курсе сдавала экзамен у нее на дому, по причине свалившейся на экзаменаторшу хвори. Бедняжку донимал коклюш, помнится, или радикуллопатия в третьей степени, и любимые кванты были бессильны. Как все радовались халяве, наивные простаки... «Состояние заразы» не помешало ей распотрошить группу на квантовую дисперсию, с блокировкой даже самых безобидных сходов. В огромной пустующей за городом воющей хижине

можно было искать друг друга месяцами, чтобы без задней мысли уточнить восьмой вопрос седьмого билета. В туалете редких смельчаков караулили электронные приспешники, цинично законспирированные под цветочки на обоях. Любая связь, кроме квантовой, была обрублена на корню, а до квантовых фишек несчастные еще не добрались, согласно козням деканата и вывертам учебного меню. Богиня так и напутствовала: если кто из разгильдяев разгадает ее маленький секрет, получит зачет пожизненно. Сама она подлетала к каждому из двадцати трех неучей в особое время, без предупреждения, на лихом домашнем протонном самокате, как ведьма на метле, и, отгородившись ингаляторами, морально истязала, пока из жертвы не выскакивало то, что обычно нудит лектор, пока все уснули. Помнится, последний выживший покинул это ведьмино гнездо глубоко за полночь по Гринвичу. Арту тогда крупно повезло, за него взялись первым, и он получил пожизненное, только полезных сведений в эфир передать не успел: кванты выполнили ведьмино заклинание и переродились.

Ну а в целом это была милая женщина. Лет тридцати, темноволосая фигуристая гувернантка без жалости и иллюзий по поводу свободы слова в рамках ее дисциплины. А вообще грех жаловаться, по ее предметам у него всегда значилось «выше – только Андромеда». Кажется, в глубине души она даже ценила его за осуществленный им лично технологический прорыв в долгоиграющем запуске бракованного коллайдера, на котором преподавательский состав нынче разгоняет самовыгорание и депрессию, дешево и сердито.

К любимой учительнице Арт приблизился по стойке "смирно", искренне сожалея, что как раз сегодня не при цветах. Знал бы, с кем судьба сведет, – обломал вишню под окном. Держался он незаинтересованно, с наглостью, будто бы делал ей одолжение, обремененный кучей дел, кои ему навешали в иной великой академии – неподалеку, сразу за углом.

Она указала на кресло напротив. Сдержанным движением руки с массивным фиолетовым перстнем и тяжелым браслетом «из урана с Урана», как предполагала проницательная звездная молодежь.

Сейчас их разделяли личные, наверняка разнящиеся мнения по поводу одного и того же события. И стол, мощное психологическое средство разделения. Но скукожившийся от времени букет в вычурной вазе, представлявшей, кажется, посудину о некогда алых парусах она отодвинула, едва он приземлился в кресло, что стало благоприятным посылом. Тем самым показала, что функциональные возможности корабельной реи отвергает, напротив, освобождает дорогу для своей харизмы.

Он ждал, непринужденно сквасив собственную харизму.

Стол сослужил все же добрую службу: воспользовавшись крышкой как доисторическим транспортером, она молча придвинула ему небольшую кожаную книжицу, красненькую от неловкости момента.

С честным неодобрением он инспектировал ее несколько «резиновых» секунд – для солидности; с небрежностью эксперта притянул, раскрыл, начал читать как обычно, вслух и с конца, что гораздо информативнее. Текст составлен так, будто составители заранее знали о его предрасположенности к данной технике чтения. На правом густо-синем поле с родным академическим гербом, нанесенным не иначе как «в раскоряку», золотой прописью с досадным отсутствием опечаток сообщалось, что Артур Леннер успешно закончил шестилетнее обучение по программе звездных флотий.

Это еще не все. Картонка слева утверждала, что за невыносимые заслуги перед Академией и вообще ему присвоено звание капитана, которое вступит в силу сразу, как только стажировка типа аспирантуры, упомянутая в пункте 5.8.9 за добавочным номером тринадцать дробь два, завершится в его пользу, не пройдет и пятилетки.

Добавление с дробью, собственно говоря, было вульгарной нормой. Окрыленная волей молодежь редко залетала в капитанское кресло сразу же по выходу из Академии. Такие случаи значились в анналах «Австралии», но уместились бы на двух пальцах, вследствие чрезвычайной

гениальности выпускников, странно сопряженной с общественными связями самой высшей пробы. Связи, увы, ума не прибавили, и капитанство, помнится, было каким-то умственно неполноценным и мимолетным, аки пародия на академическую перемену между парами.

— Поздравляю, — грудным тембром тихо информировала Деметра, доходчиво пристукивая стопой с упором на шпильку. Сандалеты были невыносимо красные, в цвет помады и ногтей, но паническую атаку не провоцировали.

— Благодарю. Я могу идти?

Она нервно рассмеялась, рискуя целостностью шпилек, поинтересовалась без обиняков, куда он собрался, если не секрет.

— Никакого секрета. На стажировку. Типа аспирантуры.

Он хотел добавить конкретизирующее «вестимо», после коего вообще отпадают все бестактные вопросы, но не стал усугублять.

Она задумчиво поднесла пальцы к подбородку, слегка прищурилась:

— Великолепно...

Что-то нащупала под крышкой стола, произнесла кротко голосом ангела под прикрытием:

— Будьте добры, о чем договорились...

Раскаленная земная Робуста на вкус оказалась не хуже поднебесной Арабики. Поняв, что его вновь хотят если не прикормить, то хотя бы пригреть на стройной груди с неизвестной целью, он не стал выкаблучиваться и в тон ей откушал чашечку в небрежном некрасовском стиле, с отрепетированным уже дворянским гонором. Выразил скупую благодарность.

— Слушаю, — она наконец выпрямилась, словно вкусила что-нибудь устойчивое и непоколебимое. Скажем, откушала чаю из швабры, как у Зошенко.

— Что вы слушаете? — слегка обнаглел он, любуясь на свое ближайшее будущее в кофейной гуще.

— Жалобы, претензии, обвинения, поношения в две колонки. Предпочтительно в акростихах, едким метром.

Уколола-таки... все же поэтический дар и страсть к оному есть проклятие...

— Деметра Юрьевна, — начал он неустойчиво, упавшим в штопор голосом.

Это был самый верный и краткий способ довести ее до белого каления, а после – до состояния квантовой нестабильности с распадом самообладания. Имечко у язвочки так себе. Арт сочувствовал и соглашался, что звучало оно не лучше, чем Эвгена Эвгленовна. Ибо она, сердешная, никак не любила свое отчество, особенно когда оно шло вкупе с именем, особенно в каллиграфии. Смелчак, однажды втолковавший ей при всех, что Юрий – это не обязательно прохвост, это ведь может быть и Цезарь, и Гагарин – давно учился в другой академии, за углом и налево, а вечерами драил палубу в ихней приемной на люксовой корме, под носом у Эвглены. Арт прекрасно помнил тот тяжелый случай. Парень не вошел в скорбное число в серой книге книг, но соответствующее впечатление произвел, принципиальностью и дотошностью дебила. Обошлось без профессорского припадка, неугомного умника забрала «Неотложка» (оперативно прилетели, и рубашку не забыли), а основная часть присутствующих получила лишь "удовлетворительно" за увлекательный коллоквиум, хотя делала вид и даже клялась, что ничего такого не видела и не слышала. «Так будет со всяким», – убедительно вещали очки Деметры, усиленные фоновой карикатурой неистовства квантов в прямом эфире.

— Артур Всеволодович, гордость факультета... имейте совесть и милосердие, — ласково вымолвила она. — Нашли время ерничать...

Верно, иного козырного шанса никто не гарантировал.

— Прошу прощения, просто Деметра.

Тогда она на удивление беззлобно устала на него, и он спросил:

— За что? ...

В этот скромный вопрос он постарался вложить все, что не доложил в благодарность за красный диплом и горячий кофе.

— Потому что Сфинкс, — ответила она.

Глава 2. Диплом как прикрыtie

Он поднял на нее глаза и разом все понял: *чи* это были зрочки, и кому он не успел представиться несколько битых часов назад. Сфинкс. Загадка поколения, всего-то. Если, впрочем, избыточная изгибами Деметра не перегибает...

Итак, что мы имеем? Стойкое обалдение по полной амплитуде. Оснований масса. Интелла не уверена, отправляла она его в зыбучие пески системы Пифона или же нет. Вот ведь какая ирония... Можно ли представить, что дочь темной материи под воздействием внезапной безалаберности будет крайне натурально демонстрировать феномены девичьей памяти? Биполярная практика? Пока она, ее словами, пребывала в глубокой медитации, ее воспитанник метнулся в неведомую глушь под особый присмотр лазерного свойства. В философии двойственной реальности это наверняка проходит по понятию «серые будни». Но с точки зрения обыденности...повергает в фееричное ожидание повтора. Инцидент достаточно смутил Темнеющую Деву, следовательно, отправка недодипломированного сорванца все же не предполагалась. И потом, транспортер с внешностью телескопа утром выглядел скромнее: его деликатно зачехлили. Арт еще шутканул по сему поводу: мол, а как же вялотекущий проект? Интелла улыбнулась, отмолчалась...

— Что происходит? – спросил он у Деметры веско и по существу.

— Артур, можно испросить твоего содействия в важном вопросе? Помощи, если так тебе удобнее воспринимать...

Настал его черед картинно, как герои полотен, зрящие вдаль с непознанным энтузиазмом или в ожидании инсайта, подпереть подбородок:

— Слушаю вас внимательно, Деметра.

Прибор синхронизации он со всем доверием скептика обнулil, что не возбранялось, а в смутные времена даже приветствовалось. Но именно поэтому производными ее мыслетворчества он тоже не располагал: КОТ действовал «туда-сюда».

Странная женщина выдохнула, решительно вознеслась при помощи шпилек, и началась следующая, фундаментальная часть беседы. По сути, признание «от основателей» в том, что да, методы симуляции небезупречны и грешат средневековой пошлостью, ибо не способны учесть текущую клинику симулянта, да и анамнез упускают, отчего ведущие феромоны субъектов должным образом не проявляются, что недопустимо, но сплошь и рядом. Что сердце ее кровью обливается, когда она под гнетом директив Министерства вынуждает любимчиков тупо симулировать... а вспомните прелесть классического подхода: студент, шпора и профессор, и кто кого перемудрит, того и пересдача. Что она сама в пролонгированном трансе от Камелот и тамошнего технического прогресса, в частности от дубинообразной указки, каковая съездила-таки лучшему студенту по вместилищу мозгов. Вот когда она страдала на собственной симуляции...

Арт глядел на нее немигающим взглядом ящера. Или нет, отрешенным превосходством Сфинкса. Похоже, он открыл основополагающий принцип Академии: симуляция сродни дедовщине. Отмучился сам – замучай другого. Справедливо. Трудно даже представить, как там, «наверху», мучают министров, если...

Она поостыла и доложила, что такое ЧП в «Австралии» есть неприятный дебют, но, что греха таить, вышла «изящнейшая партия». Их дуэт стал образцовым по демонстрации как интеллекта, так и личностных качеств – плюс эстетика боя и эдакий обоудный очаровательный отказ угробить оппонента. Даже и не соперника. Партнера, как на соревнованиях. С явной

прохладцей в сторону Сириуса, отчего замкнула техника: бахнул ошарашенный транслятор, и по сей час «сборище программистов, косоруких лентяев-кофеманов с одним нарисованным удостоверением на всю шайку» не может болвана реанимировать.

Уши у Арта загорелись. Об очаровательно щадящем подходе со стороны его персоны он и сам догадывался. Но чтобы оно отзеркалило – неожиданно до самых вождельных мурашек...

Деметра ни мурашек, ни вожделения не заметила, в идейном запале расхаживая в тени увековеченных монстров. Что говорить, она и их могла вымуштровать. Быть может, уже и ...

И главное – профессорша теперь ему, оказывается, "должна", и непременно при случае рассчитается. На первый-второй, машинально съязвил он про себя, вопреки своим хваленым личностным качествам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.